

Геннадий Шемякин

Противостояние

Геннадий Шемякин

Противостояние

«Автор»

2026

Шемякин Г. П.

Противостояние / Г. П. Шемякин — «Автор», 2026

Историческая повесть посвящена событиям, происходившим на русском Севере в начале XVII века. Смутное время было сложным и противоречивым. Гражданская война и прямая интервенция со стороны Речи Посполитой привели к разорению страны. Но даже в этих условиях сохранялись очаги сопротивления агрессорам. Одним из них стал Кирилло-Белозерский монастырь. История противостояния этой цитадели русского Севера и интервентов полна примеров героизма, мужества, а также увлекательных приключений и исторических загадок. Одному из главных героев повести, послушнику Кириллу предстоит пройти трудный путь защитника Родины. Вместе с двумя соратниками Кирилл отправляется в таинственный мир Заволочья, где ему предстоит встретиться с вождем племени вепсов и договориться о помощи монастырю. Автор поставил перед собой задачу, опираясь на исторические документы, легенды и предания, рассказать читателю об этой героической и интересной странице нашей истории.

© Шемякин Г. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОТИВОСТОЯНИЕ Историческая повесть	5
ЧАСТЬ 1. В начале пути (1612. Июнь – октябрь)	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	39
ЧАСТЬ 2. Мария и Кирилл (1612. Ноябрь – декабрь)	43
Глава 8	43
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Геннадий Шемякин

Противостояние

ПРОТИВОСТОЯНИЕ Историческая повесть

ЧАСТЬ 1. В начале пути (1612. Июнь – октябрь)

Глава 1

Ветер наконец стих. На поверхности Шексны, несущей свои воды из Белого озера на юг в Волгу, большие волны сменились легкой рябью. Однако часть неба с востока была все еще одета темной тучей, в толще которой время от времени сверкали молнии, оттуда доносились приглушенные раскаты грома. На западе же оранжевое солнце медленно таяло за горизонтом. Был тот особый в жизни природы миг, когда все затихало и готовилось ко сну. Заканчивался июньский день 1612 года, тот особый день, когда происходил солнцеворот, то есть день начинал умаляться, а ночь начинала прибавляться. На Руси издавна называли этот день заварухой, события этого дня могли определить судьбу многих на долгие годы.

Кирилл, юноша лет восемнадцати, поднял с все еще мокрой травы удочку и нацепил дождевого червяка на крючок. Затем резким движением забросил леску так далеко, насколько мог. Грузило увлекло крючок с извивающимся червяком в глубь воды, а на поверхности остался поплавок, сделанный из гусиного пера.

Забросив удочку, Кирилл присел на корточки и стал внимательно глядеть на поплавок, ожидая поклевки. Поплавок мерно покачивался на небольших волнах, ритмично накатывавшихся на песчаную отмель. Место рыбалки юноша выбрал на берегу речной заводи, с обеих сторон заросшей кустами и тростником. В двух шагах от воды стоял шалаш из веток, немного в стороне темное пятно от костра. Все подходы по берегу к заводи были завалены буреломом, образовавшимся в результате переплетения веток упавших деревьев, кустов и тростника. Только едва заметная тропинка вела через бурелом к убежищу юноши. Выбор места был не случайным, по Белозерскому краю рыскали отряды польско-литовских интервентов, грабя и убивая всех на своем пути.

Вскоре стихла даже рябь на воде, в неподвижной воде отражалось заходящее солнце. Кирилл любил это меланхоличное время, когда светило покидало один мир и уходило в другой. Вода на реке становится огромным зеркалом, а небо окрашивается в багряно-красные тона, как будто черти в аду приоткрывают двери гиены огненной, в которой жарят несчастных грешников. Дневные звуки гаснут один за другим, и вдали колокол зовет к вечерней молитве. Да, это был самый драгоценный и любимый час, но в этот вечер что-то томило душу юноши. Он знал, что проводит последние дни на любимой реке, где он знал каждую корягу, каждую заводь, каждый плес, каждый омут. Скоро ему предстояло поехать в Кирилло-Белозерский монастырь и стать там послушником. Такова была воля его отца, сельского священника, перед смертью взявшего с него слово посвятить свою жизнь богу.

Вдруг выше по течению реки Кирилл заметил лодку, которая плыла посредине реки, увлекаемая быстрым течением. Это была необычная лодка, выдолбленная из одного огромного бревна липы. Среди сородичей Кирилла никто давно уже не использовал такой лодки, но старики рассказывали, что эти лодки делают язычники из племени вепсов, живущие в глухих

местах Белозерья. Лодка была пустая, абсолютно пустая, и течение быстро приближало её к тому месту, где рыбачил Кирилл.

«Чья же это лодка? – подумал Кирилл. – Надо ее догнать. Вот будет в Раменье разговоров, если я на ней приплыву в деревню...».

Влекомый любопытством, юноша поднялся, сбросил рубашку, оставшись в одних портках, и уже хотел прыгать в воду, как вдруг остановился. За кормой лодки он заметил голову человека с длинными, похожими на водоросли прядями волос. Человек держался за корму и явно не хотел привлекать к себе чужого внимания. В это же время на противоположном берегу Шексны раздались топот копыт коней и крики на незнакомом языке. В наступающих сумерках проступили фигуры всадников, скачущих вдоль берега. Они что-то кричали, указывая на плывущую лодку, и размахивали саблями. Дело принимало совсем другой оборот. Любопытство и тщеславие юноши могли стоить ему дорого. Однако колебания длились несколько мгновений. Как будто кто-то незримый свыше подтолкнул Кирилла – «Вперед!».

В следующую секунду он прыгнул в воду, и, плывя изо всех сил, в несколько минут достиг лодку. За кормой обнаружилось юное, искаженное ненавистью лицо девушки. Держась обеими руками за корму лодки, незнакомка принялась яростно отбиваться в воде ногами от Кирилла. Видимо, она приняла его за одного из своих преследователей. Правда, это было недолго, вскоре силы покинули незнакомку, и ее голова скрылась под водой. Кириллу пришлось поднырнуть в воду и подхватить девушку под плечи, чтобы она не захлебнулась. Затем, гребя одной рукой и поддерживая другой голову девушки над водой, Кирилл под прикрытием лодки медленно поплыл на свой берег. Мешало быстрое течение, безвольное тело девушки тянуло ко дну, но выросший на Шексне юноша был искусным пловцом и медленно продвигался со своей добычей к спасительному берегу.

На помощь им пришла сама природа. Вдруг резко потемнело, на реке поднялись волны, причем ветер был попутным. Преследователи девушки еще что-то кричали, раздалось даже несколько выстрелов из пистолей, но пловцов они уже не видели. Однако еще долго скакали они вдоль берега и посылали свои проклятия вслед ускользнувшей от них добыче.

Кирилл наконец доплыл до берега и не без труда выбрался на смешанный с тиной песок. Спасенную девушку он хотел взять на руки, чтобы уложить ее на прибрежную траву. И в эту же минуту чуть не выпустил ее из рук, обнаружив, что кроме короткой белой рубашки, на девушке не было иной одежды. Только на шее, на кожаном тонком ремешке, висел золотой оберег в виде пятиугольника с изображением медведя. Преодолевая юношеское смущение, он осторожно положил незнакомку на траву, приложил ухо чуть ниже ее нежной груди и послушал, бьется ли сердце. Даже в наступившем полумраке было хорошо видно розово-золотистое тело, едва прикрытые рубашкой стройные и красивые ноги. Тонкая талия, форма ладоней и ступней, длинная шея говорили о том, что незнакомка вряд ли занималась тяжелым крестьянским трудом. Кирилл, выросший среди крестьян, конечно же, видел девушек, купавшихся в жаркий день нагишом. Однако спасенная девушка отличалась какой-то особенной статью.

Убедившись, что сердце девушки бьется, а сама она дышит, Кирилл по давно знакомым ему тропкам сбежал за своей рубашкой и накинул ее на тело незнакомки. Несмотря на вечернюю прохладу, которая напознала с реки, его бросало то в жар, то в холод. Тело девушки манило его, как магнит, хотелось смотреть на неё, он испытывал незнакомое волнение и трепет в груди.

Вдруг девушка открыла большие темные глаза с пушистыми ресницами. Кирилл растерянно улыбнулся и отвернулся, не желая смущать спасенную. Он ждал, что она будет благодарить его за спасение. Однако в следующий момент юноша получил несколько довольно сильных ударов. Вместо благодарности девушка, вопя как сумасшедшая, набросилась на него, пытаясь выцарапать ему глаза.

Пришлось защищаться, что было весьма затруднительно: юная особа дралась решительно и при этом что-то кричала во весь голос. Наконец юноша смог утихомирить спасенную, прижав ее своим телом к земле и удерживая ее руки. При этом рубашка, накинутая Кириллом на тело девушки, слетела, и юноша всем своим телом ощущал ее бедра, напрягшийся живот, нежные груди. В нем вспыхнул неведомый ранее огонь, разгораясь все больше и больше.

— Надо было оставить тебя там, в воде! — тяжело дыша, произнес Кирилл. — Ты была бы уже в руках тех, кто гнался за тобой.

Эти слова поразили юную драчунью. Она прекратила попытки вырваться и впервые оглядела своего спасителя. При этом Кирилл увидел слегка раскосый разрез глаз девушки, её гордый взгляд.

— Разве ты не из той банды? — вскричала она уже на русском языке. — Ты не отдашь меня этому польскому псу пану Песоцкому?

— Кто такой пан Песоцкий? — вопросом на вопрос ответил юноша. — И почему я должен отдать тебя ему?

Девушка, скрывая недоумение, нервно хохотнула:

— Почему тогда ты вытащил меня из воды? Ведь я спасалась от людей Песоцкого.

— Если бы я не вытащил тебя из воды, то нас бы точно схватили те люди, которые гнались за тобой...

Эти слова несколько успокоили девушку. Она окончательно перестала сопротивляться, и уже спокойнее сказала:

— Отпусти меня, я, видимо, ошиблась...

Кирилл, все еще ощущая в себе тот внезапно вспыхнувший огонь, осторожно освободил девушку, подал ей свою рубашку и отошел на несколько шагов.

Только сейчас осознав, что она стоит полуобнаженной, девушка отвернулась от Кирилла и грациозно надела его рубашку. Затем, почувствовал речную прохладу, присела на траву и обхватила себя руками.

— Холодно. Если я сейчас не согреюсь, бог смерти Велес унесет меня с собой...

Кирилл встал, протянул руку девушке и сказал:

— Пойдем со мной. У меня недалеко есть шалаш, разведем огонь, я сварю уху.

Всё еще недоверчиво глядя на Кирилла, девушка тихо сказала:

— Я очень устала. Пожалуйста, помоги мне.

Они отправились в путь. Кирилл после смерти отца часто ночевал на реке. В шалаше на берегу заветной заводи лежали котелок, кресало с трутом, немного соли, несколько луковиц и горсть пшена. И главное – на кукуане в реке трепыхалось десятка полтора крупных окуней и сорог, пойманных еще днем, до грозы.

В наступающей темноте идти босиком по зарослям кустов и тростника было невозможно, поэтому пришлось вновь зайти в реку и где пешком по дну, а где и вплавь добираться до места. Когда добрались до шалаша, девушку била такая сильная дрожь, что Кирилл испугался за неё. Сам он был привычен к вечерней прохладе.

Первым делом юноша набросил на плечи своей подопечной рогожу, которой была покрыта куча сена в шалаше. Затем развел на кострище огонь, повесил над костром закопченный котелок, куда вскоре бросил ловко выпотрошенную рыбу и пшено. Подождав несколько минут, снял пенку с закипевшей ухи и добавил туда соль и крупно порезанный лук. Через десять минут аппетитная уха стояла перед девушкой, Кирилл достал свою деревянную ложку и с поклоном подал жадно глядящей на котелок незнакомке. Немного помедлив, она с достоинством принялась за еду.

Поев, девушка немного пришла в себя и смогла рассказать о своих приключениях.

— Я внучка вождя племени вепсов, меня зовут Вега, что на нашем языке означает утренняя звезда...

— Но ведь вы живете на Северном Урале, за Сухоной да Северной Двиной, — не выдержав, воскликнул Кирилл. — Как же ты попала сюда?

Вега сверкнула глазами и гневно закричала:

— Вся эта земля наша! И Белое озеро, и Шексна, и Сухона!! Здесь жили наши предки, пока сюда не пришли русины!

Кирилл уже не знал, как успокоить девушку. Она сбросила рогожу, сверкала глазами и размахивала руками, при этом в свете костра ткань рубашки не скрывала её наготу. Кирилл как зачарованный следил за гибкими движениями девичьего тела. Кровь пульсировала в венах, затуманивало глаза. Он подумал, что эта девушка, так отличающаяся от знакомых ему деревенских красавиц, не случайно оказалась на берегу Шексны.

Несмотря на слабый свет костра, Вега увидела перемену в выражении его лица. Она вдруг схватила его за руку.

— Как ты смотришь на меня! Также смотрел на меня пан Песоцкий, когда приезжал к деду...

— Зачем он приезжал к вам? – смутившись, воскликнул Кирилл. – Ведь это глава шайки бандитов и убийц, которых Бог наслал на нашу землю за грехи родителей наших...

— Хотел, чтобы мы помогли ему. – ответила Вега. – Обещал нам вернуть обратно все эти земли. Только дед не согласился воевать против русин. И меня послал к нашим родичам в Вогнему, чтобы их предупредить. Люди Песоцкого выследили нас, охрану убили, гнались за мной, если бы не ты...

Эти слова серьезно обеспокоили Кирилла. Значит, эти бандиты ищут дочь вождя по всей Шексне. Он быстро погасил костер, поднялся на пригорок, напряженно вглядываясь и вслушиваясь в темноту августовской ночи. Однако кругом все было тихо, лишь иногда плескалась рыба в реке, да ветер доносил еле слышный лай собак из ближайшей деревни.

Когда юноша спустился вниз к шалашу, девушка уже спала. Она свернулась калачиком в шалаше на куче сена, накрывшись рогожей, и мерно посапывала. Видно, постигшие испытания совершенно вымотали её.

Кирилл не стал будить внучку вождя вепсов. Он принес себе с луга, где стояли стога, охапку сена, зарылся в неё и постарался согреться. Ночевки на Шексне были ему не в диковинку, особенно после смерти матушки. Пока она была жива, в семье юноши господствовали радость и уют. Как говорил отец, черная чума, прошедшая со страшной косой по Руси в последние годы царствования Бориса Годунова, подкосила её здоровье, и вскоре она умерла. Кириллу было тогда всего 7 лет.

Отец юноши Павел, священник сельского прихода, был суровым человеком. Проведший молодые годы в Кирилло-Белозерском монастыре, он преклонялся перед его основателем, преподобным Кириллом Белозерским и сына своего назвал в его честь. После смерти супруги батюшка сильно сдал. Безвластие и смуту, пришедшие вскоре на Русские земли, он принимал очень близко к сердцу. Но до самой смерти верил он в то, что Бог не оставит русских людей.

В полусне Кирилл увидел перед собой силуэты отца и матери, с тревогой глядящих на него. Как будто они пытались о чем-то предупредить его. Кирилл хотел вскочить, закричать от радости, обнять их, но неведомая сила сковывала все его тело. Одновременно чувство тревоги и опасности холодной змейкой вползало в его дремлющее сознание. Надо было что-то делать, куда-то бежать, но сон все сильнее наваливался на него и увлекал в темную мглу...

К реальности его вернули удары по щекам. Кирилл рванулся, хотел вскочить, но только свалился на мокрую от утренней росы траву. Его руки и ноги были спутаны ремнями, как у лошади. В предрассветном сумраке юноша увидел стоящих вокруг него мужчин с короткими мечами и топорами в руках. За плечами у них висели колчаны с длинными луками и стрелами. Все они были одеты в расшитые красным орнаментом рубашки и штаны, на плечах у них были

темные плащи, а на ногах – кожаные чуни. Они враждебно глядели на юношу, переговариваясь на своем, но очень похожем на русский, языке.

Переведя взгляд на шалаш, Кирилл увидел поразившую его картину. Перед шалашом на богато украшенном бисером седле, брошенном на землю, восседала гордая и неприступная красавица. На ней было белое, шитое золотом льняное платье, украшенное драгоценными камнями пояс, в темные длинные волосы вплетены полоски бархатной ткани. Только приглядевшись, Кирилл узнал в этой красавице спасенную им девушку, которая называла себя красивым, но непривычным именем Вега.

Увидев, что юноша пришел в себя, один из мужчин подошел к Кириллу, поднял его и подвел к сидящей девушке. Болезненный удар по ногам заставил юношу вновь упасть на землю. Вега что-то гневно и повелительно крикнула мужчине, тот неохотно разрезал ремни на руках и ногах Кирилла, помог ему встать. Но затекшие ноги не слушались юношу, и он вновь упал на землю. Огромным усилием воли он заставил себя сначала сесть, а затем и встать.

— Как тебя зовут? – властно произнесла девушка. Кирилл про себя удивился, какая перемена произошла в ней за короткое время. Однако сдаваться и пресмыкаться, даже если его жизни угрожала опасность, он не собирался.

— Зовут Зовуткой, а величают уткой, — гневно ответил юноша. — За что меня связали? Что вы хотите от меня?

Мужчина с угрожающим видом подскочил к Кириллу.

— Как ты смеешь так разговаривать с нашей госпожой, смерд? – вскричал он. – Если бы не она, ты давно бы кормил рыбу в Шексне!

— Если бы не я, то неизвестно, что было бы с ней, — Кирилл не хотел уступать этому нахалу. – Я не смерд, а свободный человек.

Вега примиряюще подняла руку.

— Ефрем, оставь юношу, — сказала она, обращаясь к воину. И продолжила, уже обращаясь к Кириллу, – Это воины моего деда. Они искали меня всю ночь, под утро наткнулись на нас, тебя приняли за врага, вот и связали. Я благодарна тебе за помощь, но поляки где-то рядом, надо ехать, пока совсем не рассвело.

Девушка сняла с шеи золотой оберег и протянула его Кириллу.

— Возьми в память о нашей встрече. Здесь изображен символ нашего бога Велеса. Если тебе нужна будет помощь моих сородичей, покажи им его. Если же нет, то пусть он напоминает тебе обо мне. Но спрячь, ваш бог не любит наших талисманов.

Вега подошла к Кириллу и надела оберег ему на шею. Потом провела рукой по волосам Кирилла.

— Прощай, Зовутка. Может быть, еще встретимся.

В это мгновение Кирилл увидел обращенные к нему и горящие ненавистью глаза Ефрема, воина, который так грубо обращался с ним. Он понял, что на земле у него появился смертельный враг, с которым ему ещё предстояло встретиться.

Вега отошла от него, властно повела рукой. По тропинке через бурелом к ней подвели вороного коня, в седло которого она взлетела, даже не касаясь стремян. Мгновение, и белесый туман, напозавший с реки, поглотил прекрасную наездницу и ее охрану. Как будто ничего и не было, только теплый кулон на груди Кирилла, еще хранивший тепло девичьего тела, напоминал обо всем происходящем.

— Меня зовут Кирилл, сын Павла, — вдруг закричал юноша.

Мы обязательно встретимся...

Но никакого ответа он не услышал. Только на берег Шексны мерно набегали волны, а за рекой медленно вставало огромное оранжевое солнце. Начинался новый день

Глава 2

Судно медленно, но уверенно продвигалось вверх по течению Шексны. Ветер надувал парус, на корме за рулевым веслом стояли Кирилл и капитан, плотный седой старик в темном плаще. Капитана звали Серко, он был старый знакомый родителей Кирилла, не раз ночевал у них, когда ночь заставляла его судно близь Раменья. Поэтому из всех судов, шедших по реке в сторону Кириллова, Кирилл выбрал именно это судно. Юноша и капитан с усилием ворочали рулевое весло, больше похожее на бревно.

На берегу среди высоких сосен и берез показалось селение. Баньки сбегали прямо к реке, а дома, построенные по-северному, когда под одной крышей объединялись жилые избы, сараи и другие хозяйственные постройки, степенно стояли поодаль, фасадами выходя на Шексню.

— Это село Иванов бор, — промолвил Серко. — Скоро будем в Горицах. Проклятое место эти Горицы. Будь жив твой батюшка, упокой Господь его душу, он бы никогда не пустил тебя туда.

— Но ведь оттуда самый близкий путь до монастыря. Мне бы только добраться туда, — ответил Кирилл. — Надеюсь, настоятель помнит отца и поможет мне.

Кирилл на минуту оторвался от весла, вытер пот со лба и вновь ухватился за руль.

— Почему Горицы проклятое место? — спросил он. — Ведь это твоя родина.

Капитан минуту помолчал, вздохнул, по его лицу пробежала едва уловимая печаль.

Все несчастья начались после того, как здесь утонул первый сын Ивана Грозного царевич Дмитрий. Нянька, дура, выронила его из рук, когда всходила на судно. То ли ветер налетел, то ли судно качнулось. Искали, конечно, тело младенца, да где там. Глубоко здесь у берега, да и течение быстрое. С няньки живьем кожу сняли, но царевича не вернешь. Вот и проклял Иван Грозный эти места. Сколько лет прошло, а проклятие до сих пор действует...

Ветер донес до судна колокольный звон. Серко снял шапку и перекрестился.

—

Откуда звон? — спросил Кирилл.

— В Горицах в монастыре звонят к обедне. Княгиня Ефросиния, жена удельного князя Андрея Старицкого, основала там Воскресенский женский монастырь, — ответил Серко. — Да видно, неудобно это было Господу Богу. Иван Грозный сослал ее сюда, а потом и убили её здесь.

— За что же так её отблагодарили, ведь это богоугодное дело? — воскликнул Кирилл. Старик помолчал, потом с горечью ответил:

— Все боялся Иван Грозный, что у него власть отберут. Ведь Андрей Старицкий был младшим сыном Ивана Третьего, имел все права на царствование. Вот и уничтожили весь его род. Мне мать рассказывала, как ворвались в 1569 году в монастырь опричники, схватили княгиню, келейницу ее да санных девушек, выгнали их на берег реки и постреляли из пищалей, порубили саблями. Тела девушек отдали собакам, а княгиню засунули в мешок с камнями и бросили в воду. Правда, в конце жизни Иван Грозный включил ее в свой Синодик опальных, где были перечислены все его жертвы, и пожертвовал большую сумму на помин ее души, да не помогло это. До сих пор душа княгини никак не успокоится, по ночам пугает путников да матросов судов.

Потрясенный Кирилл долго молчал, потом схватил старика за рукав:

— Дедушка, а ты сам её видел?

Серко навалился на весло так, что оно затрещало.

— Давай помогай, помощник, а то сядем на мель. Видеть-то я ее не видел, но люди так говорят.

Места, мимо которых проплывало судно, были удивительно красивыми. Поросшие лесом холмы, песчаные берега широко разлившейся в этом месте реки, живописные острова с

рощами сосен на них внушали душевное успокоение и восхищение земной благодатью. При виде такой красоты не хотелось верить рассказам о страшных злодеяниях, творившихся в этих местах.

Справа на берегу на глазах вырастала в размерах высокая гора, покрытая темным и густым лесом. Она внушала какой-то священный трепет своим видом.

— А вот и Маура, — промолвил капитан. — За ней сразу же Горницы будут.

— Дедушка, почему гора так названа? — спросил Кирилл.

— Не знаю, зовут так и зовут. Видно, предки наши так её назвали.

— Доброе утро, — вдруг вмешался в разговор священник в рясе, вышедший из надстройки на палубе и неслышно подошедший к собеседникам. — Извини, Серко, но ты не прав. Её так назвали люди из племени вепсов, которые жили здесь раньше, еще до прихода сюда славян.

Кирилл видел нового собеседника мельком вечером, когда тот садился на судно, всю ночь монах провел в каюте. Теперь юноше представилась возможность лучше рассмотреть священнослужителя. Это был человек лет сорока с черными пронизательными глазами, бледным лицом и крупным носом, с властным выражением лица. Позолоченный наперсный крест на груди говорил о том, что он имел сан протоиерея. Внешний облик нового собеседника, а также шелковая ряса и скуфья из бархата говорили о его высоком церковном положении. Кирилл все это уловил с быстротой молодого ума, интуиция подсказала ему, что этот человек может сыграть большую роль в его жизни.

— Маура в переводе с языка племени вепсов означает темная гора, — продолжал священник. — Раньше здесь было их главное языческое капище, здесь они приносили в жертву своим богам человеческие жертвы. Монахи Кириллова монастыря разрушили это капище, но языческие боги не успокоились, до сих пор мстят славянам. Вот поэтому, Серко, наверное, это проклятое место.

Вепсы! Кирилл вспомнил недавнее приключение на реке, когда он спас девушку, назвавшуюся внучкой вождя племени вепсов. Где она? С кем она? Перед глазами Кирилла возникло ее обнаженное тело. В груди вновь вспыхнул огонь. Хотя бы на минуту вновь увидеть её...

— Бьюсь о заклад, что наш юный друг вдруг вспомнил о какой-то красавице, — с иронией промолвил новый знакомый. — Ох, молодость, молодость...

Кирилл энергично замахал руками.

— Нет, отче, я собираюсь посвятить свою жизнь богу.

— Как зовут тебя, брат мой? — уже приветливее спросил монах. — И куда путь держишь?

— Отец назвал меня Кириллом.

— Уж, не в честь ли преподобного Кирилла?

— Да, мой отец молодые годы провел в Кирилло-Белозерском монастыре. Теперь вот и я туда направляюсь.

— Что-то подсказывает мне, что этот путь не для тебя, — воскликнул священник. — Тебе предстоит другая судьба.

Эти слова вызвали целую бурю чувств в душе юноши. Его манила совсем другая жизнь, он мечтал с детства о путешествиях, о приключениях. Но как же обет, который он дал отцу?

«Сын мой! — произнес его отец незадолго до кончины. — Обещай мне, что после сороковин по моей смерти поедешь в Кириллов монастырь и посветишь свою жизнь служению Богу. Настоятель монастыря, надеюсь, помнит меня, и поможет тебе. За иконами лежит письмо, которое я написал ему. Береги это письмо и вручи его отцу настоятелю. В служении Богу следуй его примеру и действуй так же, как он». Письмо отца лежало теперь у Кирилла в кармане кафтана и постоянно напоминало о его обещании.

— Все в руках Господа нашего Иисуса Христа, — перекрестившись, произнес капитан.
— Вот и Горицы.

Он показал рукой на показавшиеся справа по курсу на берегу Шексны белоснежные стены собора и колокольни, окруженные каменной оградой. Рядом с монастырем виднелись избы небольшого села, а дальше до горизонта стояли бесконечные белозерские леса, кое-где прерываемые зеркалами озер. Над монастырем и селением нависала темной громадой Маура. Гора то ли охраняла монастырь, то ли хотела его уничтожить.

— Как здесь красиво! — воскликнул Кирилл.

— Красиво-то красиво, — проворчал себе под нос старик капитан. — Да больно уж опасно, где-то недалеко банды Песоцкого бродят. Нагрянут сюда, кто защищать монахинь будет? Надежда только на призрак княгини Ефросиньи...

На пристани в Горицах было настоящее столпотворение. Здесь стояли баржи, груженные солью с Белого моря, несколько судов с Поволжья, рыбацкие суденышки с озера Белого. На берегу громоздились бочки, корзины, тюки и ящики, все то, что выгружалось из трюмов кораблей и предназначено было для Кирилло-Белозерского монастыря. Но капитану удалось найти место у причала для своего судна. Вскоре перебросили на берег трап, настала минута прощаться.

Первым на берег сошел священник. Перед расставанием Кирилл подошел к нему за благословением: сложил руки крестом правую на левую ладонями вверх и попросил: «Благословите, отче». Получив благословение, юноша поцеловал благословляющую его руку, поклонился и отошел в сторону.

— Прибудешь в Кириллов монастырь, мой юный друг, спроси отца Николая, — сказал ему священник. — Если нужно будет, помогу, чем смогу.

Вслед за Кириллом благословились матросы суденышка. Капитан подходит за благословением не стал, только помог отцу Николаю вынести вещи из каюты и проводил его до причала. На причале священника уже ждала крытая повозка с послушником на облучке. Послушник почтительно поклонился отцу Николаю, погрузил его багаж в повозку, усадил священника, сел сам на облучок и взялся за вожжи. Вскоре повозка скрылась за поворотом.

— Может, передумаешь еще становиться монахом? — обратился капитан к Кириллу. — Ходил бы со мной на судне, любовался на свет божий.

Кириллу нестерпимо захотелось остаться на судне старика. Что может быть лучше речного простора, свежего ветра, брызги пены с высоких волн? Но данное отцу слово неумолимо вело его вперед.

— Спасибо за помощь, за добрые слова, Серко, — с грустью произнес Кирилл. — Мне пора. Бог даст, свидимся...

Он обнял старика, похлопал по спине, отвернувшись, чтобы скрыть набегающие слезы, схватил свою котомку с пожитками и сбежал на берег. Потом быстро пошел, скорее даже побежал по дороге, ведущей в Горицкий монастырь. Там в послушницах была Анна — соседская девушка из их деревни, с которой он вместе вырос и у которой хотел узнать правила поведения в новом для него мире.

Подворье монастыря поросло зеленой травой, которая пробивалась даже сквозь плиты дорожки, ведущей к Воскресенскому храму. Внушительное кубическое здание на подклети венчали две шлемовидные главы с золотыми крестами: большая в центре и малая — на юго-восточном углу, над приделом в честь убиенного царевича Дмитрия. Этот придел был сооружен на средства царицы Марии Нагой, постриженной здесь в монахини, в память о своем убитом сыне. Сын Ивана Грозного, названный так в память утонувшего в Шексне первенца, то ли сам порезал себя, то ли убили его в Угличе уже после смерти кровавого отца. «Не случайно говорят, что нельзя новорожденных называть именами ранее умерших сыновей, — подумал Кирилл. — Не верил Иван Грозный этому, вот и порешили его младшего сына в Угличе».

Юноша внимательно вглядывался в фигуры монашек, сновавших по двору, надеясь узнать свою соседку. Эта назойливость привлекла к нему внимание.

— Вот еще один поклонник женской красоты, — услышал у себя за спиной Кирилл. — Наверное, хочет соблазнить монашку...

Наш герой обернулся и увидел в нескольких саженях от себя высокого мужчину, закутанного в черный плащ, под которым угадывались очертания сабли. Этот незнакомец сразу не понравился нашему герою. Высокий человек средних лет, с длинными рыжими волосами, бледным продолговатым лицом и легким шрамом на левом виске, одетый в кафтан и штаны фиолетового цвета, на которые был наброшен черный плащ, явно выбивался из общей картины монашек и богомольцев, ждавших обеденной службы. Его окружало несколько мужчин, также не похожих на праведных прихожан.

В то же самое мгновение, когда Кирилл остановил свой взгляд на человеке в черном плаще, тот отпустил в адрес юноши еще какое-то колкое замечание. Слушатели его разразились смехом, а по лицу говорившего скользнула усмешка. На этот раз не могло быть никаких сомнений: речь шла о Кирилле, причем в оскорбительном тоне.

Гнев захлестнул его сознание, ослепил разум. Кирилл нагнулся, схватил валяющийся недалеко камень и размахнулся, чтобы запустить его в обидчика. Но вдруг почувствовал, что рука его сжата как будто клещами.

— Ты что это, в божьем храме собираешься охальничать? — кто-то прогудел под ухом басом. — Пойдем, остынешь немного, а потом богу помолишься.

Могучий инок в черном одеянии повлек за собой, словно щепку в бурной реке, раздосадованного юношу. Кирилл хотел только бросить последний взгляд на своего обидчика, но не нашел уже его на монастырском дворе. Как будто не было ни знакомого, ни его окружения. Они растворились в общей толпе прихожан, хлынувших в храм. Только что-то недоброе, словно густой туман, повисло над плитами монастырского двора.

— Как зовут тебя, молодец? — уже за воротами монастыря вновь прогудел инок. — Видел я все, не виноват ты, да только не справился бы в одиночку с обидчиками. Кто они, не знаю, но злые люди, сейчас таких много шляется по русской земле.

— Спасибо, дядя, что остановил меня. Гордыня ум застлала. А зовут меня Кирилл, Павлов сын, из Раменья.

— Постой, постой... Уж не сын ли ты того Павла, что в Кирилловском монастыре постриг принял, боевым иноком был, а потом грехи свои отмаливать уехал в деревню?

— Мне отец не рассказывал, из-за чего он стал священником, — растерянно ответил Кирилл.

— Мы с ним вместе защищали обитель Кириллову, — воскликнул инок. — Хороший был боец, немало врагов на тот свет отправил.

И тут же, вполголоса и словно разговаривая с самим собой, он добавил:

— Только в еретичку влюбился, согрешил и покаялся...

Он еще не договорил, как Кирилл вырвал руку и закричал:

— Отец мой никогда не грешил, всю свою жизнь служению Богу посвятил! А ты кто такой, чтобы про моего отца гадости говорить?

Инок виновато наклонил голову и примирительно поднял вверх руку:

— Извини, лишка сболтнул... Зовут меня Илья, инок я Кириллова монастыря. Вместе с твоим отцом службу ратную несли, пока не ушел он в священники. Что с ним ныне стало?

— Умер он, вчера сорок дней отметили. Мать еще раньше Бог прибрал. Пробираюсь вот в монастырь преподобного Кирилла.

— Упокой Господь его душу, — печально промолвил Илья. — Скоро и за мной старуха с косой придет.

Он повернулся лицом к храму, перекрестился и низко поклонился. Потом повернулся к Кириллу и сказал:

— Жди здесь, мы скоро с отцом экономом поедem в Кириллов, захватим тебя с собой. Время беспокойное, все может быть...

Кирилл согласно кивнул головой. Все получалось совсем неплохо, вот только Анну не смог увидеть. Но ничего, все еще впереди...

Солнце подошло к зениту и начало припекать, а Ильи все не было. Кирилл спрятался от жарких солнечных лучей в нишу монастырской стены, где улегся на покрытые мхом камни. Высокая стена из крапивы и лопухов отгородила его от дороги. Незаметно напoлзала дремота, но звуки августовского дня еще доносились до слуха юноши.

Вдруг рядом, за стеной крапивы и лопухов он услышал голос незнакомца, который так зло смеялся над ним совсем недавно. Тот негромко разговаривал с невидимым собеседником:

— Итак, наш господин приказывает нам быть готовыми... — раздавался его уверенный голос.

— ... к большой драке с заблудшими овцами господними, — перебил его собеседник, говоривший с небольшим акцентом. — Мы обратим их в истинную веру, в лоно католической церкви.

— Будьте осторожны, никто не должен знать наши планы. Что вы собираетесь делать?

— Я возвращаюсь в Кириллов. Здесь останется мой человек, который знает, что делать.

— Пан Песоцкий дал мне некоторые поручения, которые надо выполнить. Поезжайте, я догоню вас...

Кирилл лежал в своем тайнике, затаив дыхание и не шевелясь. Больше всего на свете он хотел вскочить и закричать, позвать людей, но кто ему поверит? Надо было выяснить все до конца: кто эти собеседники, что они собираются делать, с кем они собираются драться... Однако, когда через несколько мгновений юноша осторожно выглянул из своего убежища, никого на пыльной дороге уже не было. Лишь по направлению к Кириллову быстро удалялся возок, запряженный парой лошадей. Из-за клубов пыли невозможно было разглядеть фигуры пассажиров...

Время шло, Илья так и не появлялся. Надо было решать, что делать: то ли ждать инока, то ли добираться до Кириллова самому. В последнем случае был шанс догнать возок, в котором, видимо, едет один из участников подслушанного разговора. Кирилл колебался совсем недолго. Около него остановилась телега, запряженная сивой кобылой. Пожилой возница, восседавший на охапке свежего сена, обратился к Кириллу:

— Мил человек, не в Кириллов ли ты собираешься? Если хочешь, садись ко мне в телегу, вдвоем веселее ехать...

— Спасибо, да вот денег у меня нет.

— Да, спасибо в карман не положишь... Ничего, садись, телега все равно пустая. Как кличут тебя, мил человек?

— Кириллом родители назвали.

— Ну, раз Кирилл, то тебе обязательно надо в Кириллов. А я Семен, послушник Кириллова монастыря. Давай, садись быстрее, видишь, на Мауре собираются облака.

Более не колеблясь, юноша подхватил свою котомку, бросил её в телегу, следом забрался сам. Семен щелкнул кнутом, кобыла резво взяла с места, заскрипели колеса, телега с путниками двинулась по большаку. Дорога в неизведанное началась.

Глава 3

У подножья Мауры стояла древняя деревянная церковь. Видно было, что сложена она была из массивных осиновых бревен и походила больше на маленькую крепость. Сходство усиливало било – чугунная полоса на веревке, подвешенная на столбе около церкви. Рядом на земле лежал массивный камень.

— Как тебе наша церковь? — спросил возница Кирилла, заметив интерес юноши к древнему сооружению. — Она у нас премилостивая, нас и крестит, и благословляет, и защищает.

— От кого же она вас защищает? — искоса глянул юноша на своего спутника.

— Нечисти много в наших лесах водится... — неопределенно сказал тот.

Церковь была заперта, но даже с дороги в небольшое оконце была видна чистота ее стен, деревянные подсвечники и древнее письмо на иконах. На минуту Кириллу показалось, что он очутился в том времени, когда святые угодники ставили здесь первые церкви и боролись за веру с язычниками. Ему послышались гортанные крики, звон оружия, смиренные молитвы старцев и звуки барабанов языческих жрецов.

Внезапно, как это бывает на севере в сентябре месяце, яркое солнце спряталось за черные тучи, засверкали молнии, раздался гром, и крупные капли дождя выбили круги на лужах. Дождь забарабанил по листве деревьев, по траве, по телеге и седамкам. Семен запустил руку под сено, лежавшее на телеге, и достал рваную рогожу. Протянул ее Кириллу:

— Накинь на себя, еще простынешь, — и на безмолвный вопросительный взгляд Кирилла промолвил, — ничего, я привычный к нашей погоде. Что-то неласково встречает нас Маура, как будто проснулась сегодня не в духе...

А узкая дорога, петляя от поворота к повороту, все влекла повозку вверх. Кобыла напрягала все свои силы, и пот на ее теле мешался с крупными каплями дождя. Колеса повозки нещадно скрипели, оглобли мерно поднимались и затем опускались. Вот последний поворот, последнее усилие — и повозка с путниками оказалась на вершине горы. Семен остановил кобылу, давая возможность ей отдохнуть после крутого подъема. Дождь вдруг стих, и ничто уже не мешало оглядеться вокруг. Кирилл огляделся вокруг и застыл в изумлении.

Перед ним открывалось необъятное пространство на несколько десятков верст вокруг. Полноводная Шексна со своими извилами текла внизу, постепенно скрываясь за горизонтом. Часть неба с левой стороны была одета огромной тучей, в ней сверкали молнии, раздавались приглушенные раскаты грома. Однако туча уходила и открывала вдали грозные башни и стены монастыря, окружавшие осененные золотыми главами храмы, на вершинах которых сверкали православные кресты. Все это великолепие отражалось, как в зеркале, в голубом озере. И было непонятно, то ли это земной рай, то ли отражение его на небесах. Вдали, прямо за обителью, и вправо и влево от нее, как голубые обломки неба, озера и озерки без счета покрывали землю, которая то зеленела лугами и лесами, то желтела колосьями ржи и ячменя. И чем больше глядел Кирилл на эту грандиозную картину, тем больше его захватывало это зрелище.

Однако постепенно на смену восторгу приходило чувство тревоги и озабоченности предстоящими делами, молодой человек стал возвращаться к реальности. Активно способствовал этому его спутник, который немного в стороне от дороги, на небольшой поляне среди высоких сосен что-то старался сломать, при этом громко ругаясь. Кирилл подошел к нему и увидел глубоко вкопанное в землю бревно, верхняя часть которого представляла собой вырезанного из дерева идола. Рядом из травы выглядывал огромный валун, на верхней части которого было углубление, похожее на человеческий след. Аршинах в трех от валуна на земле валялось несколько досок, составлявших навес для иконы. Такие навесы ставились верующими в почитаемых церквях местах.

— Опять язычники проклятые сломали наш киот и поставили своего идола, — громко возмущался возница. — Никак не могут успокоиться.

— А что это за место? — осторожно поинтересовался Кирилл.

— Святое это место, — немного сбавил тон Семен. — Видишь след на валуне? Говорят, его оставил преподобный Кирилл, когда он взошел сюда и увидел отсюда место для своей будущей обители. Так бог явил ему свою волю.

— А почему язычники ставят здесь своего идола? — спросил Кирилл.

— Не знаю точно. Поговаривают, правда, что здесь было их капище. Ну-ко, помоги мне

...

Кирилл обоими руками охватил идола за шею и стал тянуть его вверх. Вдруг что-то стиснуло его шею, стало трудно дышать, Кирилл начал задыхаться. Пришлось отпустить идола, и сразу же все неприятные ощущения прошли. Он сделал шаг назад и внимательно посмотрел на языческого бога. В грубых чертах его лица Кириллу почудилась кривая усмешка.

— Ты что, помочь богоугодному делу не хочешь? — зло посмотрел на него Семен. — Или ты сам язычник?

— Что-то плохо стало, сам не пойму, в чем дело. Ну, давай, с богом...

На сей раз Кирилл взялся за ту часть идола, которая приходилась на поясицу. Вдвоем они смогли выдернуть из земли бревно и отнести его в сторону, к проплешине на земле. Такие проплешины оставляет огонь. Спутник юноши быстро развел костер, набросал сушняка, затем, дождавшись, когда огонь разгорится, бросил сверху на горящие ветки бревно с идолом. После этого наказал Кириллу следить за огнем, а сам отошел в кусты по нужде.

Кириллу вдруг почудилось, что он слышит чей-то голос, который то ли приказывает, то ли умоляет сбросить идола с огня. Он даже не удивился этому, так много произошло с ним чудес за несколько последних дней. Юноша схватил идола, оттащил его в кусты, а в костер бросил небольшое бревно, валявшееся рядом. Оно сразу же занялось жарким пламенем. Минут через десять к костру подошел Семен.

— Как, сгорел идол языческий? — с надеждой в голосе спросил он.

— Да, одни головешки от него остались.

Для убедительности Кирилл пошевелил обугленное бревно в костре. Как по команде снова полил дождь.

— Слава богу, не надо ждать, пока все прогорит, — радостно сказал возница. — Не нравится мне здесь, хоть и место святое. Скажу монахам, они киот снова поставят... Поехали, до обители еще пять верст, а часа через два начнет смеркаться...

Кирилл в последний раз полюбовался прекрасной панорамой, сел на повозку и накрылся от дождя рогожей. Семен хлестнул кнутом лошаденку, та сделала шаг, другой, опять закрипели колеса, телега закачалась на ухабах, путники начали спускаться с горы.

— Мы с тобой еще встретимся, — снова прозвучал над ухом нашего героя уже знакомый голос. — Твоя дорога только еще начинается.

Дождь снова стих. Вдруг уходящая туча и нависшее над горизонтом солнце образовали огромную двойную радугу, которая ярко озарила все небо и засияла впереди будто огромные небесные врата. Казалось, кто-то таким образом приветствовал путников.

Постепенно от мерного покачивания телеги Кирилл задремал. Проснулся он примерно через час от толчка в бок.

— Просыпайся, мы на Поклонной горе, — возница с улыбкой смотрел на юношу. — Поклонись и помолись святому Кириллу и его обители, что стоит на Сиверском озере.

Кирилл протер глаза. Повозка с путниками стояла на вершине невысокого холма, с которого дорога шла вниз. Перед Кириллом открылась панорама белокаменного монастыря, окруженного хозяйственными постройками и огородами. Стены, башни и храмы монастыря гляделись в синь большого озера, окружавшего монастырь с трех сторон и уходящего далеко на юг. С

четвертой стороны к монастырю подходила слобода, застроенная домами мирян и хозяйственными постройками. Под монастырскими стенами на огородах зрели большие кочаны капусты и какие-то овощи.

Пораженный открывшимся ему видом, Кирилл поклонился и беззвучно прошептал:

— Отче наш, иже еси на небеси... Хлеб наш насущный дай нам днесь... Избави нас от лукавого... Прости нам наши долги, как мы их всем прощаем... Да будет царствие твое на земле и на небе. Аминь!

Ему хотелось как можно быстрее вступить в ворота монастыря,

в котором служил богу его отец, но, как оказалось, впереди его ждало очередное приключение. С Поклонной горы вниз по дороге кобыла, запряженная в телегу, двигалась намного быстрее, но все равно путников обогнал всадник на коне. Сквозь клубы пыли его трудно было разглядеть, однако Кириллу он показался знакомым. Всадник вскоре свернул с дороги и остановился возле низкого, будто вросшего в землю сооружения. У изгороди этого сооружения дремало несколько привязанных лошадей, запряженных в телеги, тарантасы, повозки. По всему видно было, что их хозяева уже давно загуляли в кабаке, чем и являлось это здание. Среди повозок находился возок, похожий на тот, что увез обидчика Кирилла из Гориц. Всадник привязал лошадь к изгороди и скрылся за дверью. Все это очень заинтересовало юношу.

— Что это за место? – спросил возницу Кирилл. — Не зайти ли нам туда?

— Мой юный друг, уж не в винную ли лавку ты хочешь зайти? – воскликнул тот. – Берегись, здесь на Кабацкой горке издавна собираются гулящие люди. А место это называется Обшара. Это от слова обшаривать. По голове гирькой тюкнут, все карманы обшарят, а грешное тело в Сиверское озеро бросят.

Однако Кирилл твердо решил разгадать тайну обшарского кабака. Едва повозка минула его, он схватил свою котомку, спрыгнул с телеги и громко сказал:

— Спасибо, дядя Семен, что довез, может, и я когда-то тебе помогу. Прощай, добрый человек!

Возница пожал плечами и сказал удрученно:

— Зря ты меня не слушаешь... Ну, дело твое... Прощай, может, когда и свидимся!

Он тронул вожжи, взмахнул кнутом. Телега тронулась с места, закачалась на ухабах и вскоре скрылась за поворотом.

Кирилл толкнул дверь в лавку и вошел внутрь, затаив дыхание, будто бросался в холодную воду. Он ожидал, что попадет в круговорот яростных криков, ссор и пьяных песен. Но внутри было совсем тихо.

С порога в синем дыму от тускло горящей масляной лампы Кирилл увидел склонившиеся над столами спины, косматые головы, кружки с хлебным вином. Завсегдатаи обсуждали свои тайные дела, бросая по сторонам свирепые взгляды. Кабатчик, полный и неопрятный мужик, стоял за грязной деревянной стойкой и оглядывал свои владения с видом полководца, готовящегося к генеральному сражению. Его помощница, одетая в красный сарафан, суежилась у печи.

Взгляд кабатчика остановился на вошедшем юноше, на заросшем щетиной лице возникло некое подобие улыбки. Он схватил кружку, плеснул туда вина из огромной бутылки, стоящей на стойке рядом с ним, и вышел навстречу юноше.

— Надеюсь, молодой человек, духовник отпустил тебе с утра все грехи, и теперь можно хорошо выпить? Первая чарка за мой счет! Садись и пей...

Он ногой двинул табурет к свободному столу и поставил на стол кружку. Сейчас же подскочила его помощница и поставила туда же миску с квашеной капустой. Машинально подняв глаза, юноша заметил, что она блондинка, хорошенькая и немного старше его. Та украдкой, несмело улыбнулась Кириллу. Его поразили контраст между всей обстановкой питейного заве-

дения и свежестью, невинностью девичьего лица. Девушка сразу же вернулась к печи, но время от времени украдкой посматривала на Кирилла.

Кабатчик положил свою тяжелую руку на плечо юноши и почти силой усадил его за стол. Потом основательно уселся рядом, требовательно глядя на Кирилла.

— Здесь все мои гости, и от моего угощения отказываться нельзя, — с ноткой угрозы в голосе пробасил кабатчик. — Или ты хочешь меня обидеть?

Кирилл, чтобы хозяин кабака отстал от него, выпил вина из кружки. Он попытался оглядеться вокруг, найти своих знакомых. Однако куда бы он ни поглядел, всюду наткнулся на холодные, злые или насмешливые взгляды завсегдатаев. Все они были ему незнакомы.

Вскоре вино начало оказывать свое коварное действие. В груди потеплело, кабатчик уже не казался злым и опасным человеком, а посетители кабака стали вдруг добрыми и хорошими людьми. Он забыл предостережения отца об опасности винного дурмана. С такими милыми людьми как не выпить еще... В кармане кафтана лежало несколько монет, которые вскоре переключались к кабатчику, а посетители кабака пили за счет и за здоровье юноши. Когда монеты закончились, кабатчик потерял к юноше всякий интерес. Посетители кабака также занялись своими делами. Ясно было, что такие сценки разыгрывались здесь часто. Лишь девушка с сочувствием поглядывала на побледневшего юношу. С непривычки к спиртному и спертому воздуху его начало подташнивать, сознание путалось, стены кабака стали покачиваться, а затем вращаться вокруг в ускоряющемся ритме. В последний момент меркнувшим взглядом он увидел двух мужчин, вышедших из комнаты сзади стойки. Причем оба мужчины были ему знакомы. Один из них был обидчик Кирилла в Горицах, другой — предводитель отряда воинов, искавших Вегу на Шексне. Юноша еще успел подумать, что же объединяло этих людей? Но вскоре сознание его померкло...

Очнулся Кирилл через несколько часов, уже на улице. Он лежал на траве у берега Сиверского озера, голова страшно болела, тяжелые веки закрывали глаза. Его сознание балансировало на грани реальности и бессознательного состояния, отказываясь заработать вновь, но забытие постепенно отступало перед болью в пересохшем горле и глухим плеском волн. Под опущенными веками плавали красные круги. Хорошо, что было темно, иначе сразу глаза было бы не открыть. На лбу он почувствовал тряпицу, смоченную холодной водой. Чья-то нежная рука гладила его волосы.

Постепенно с огромным трудом Кирилл открыл глаза. В бледном свете луны он увидел девушку в красном сарафане. Приглядевшись внимательнее, он узнал в ней служанку из кабака.

— Где я? «Что со мной?» — спросил он и попытался сесть. Однако острая боль в голове снова заставила его рухнуть на траву.

— Хорошо, что ты очнулся! — тихо проговорила девушка. — Тебя напоил мой хозяин по прозвищу Ярыга, а потом, когда у тебя кончились деньги, сначала хотел выкинуть тебя на улицу. Он нехороший человек, на его совести много грехов. Но потом тебя увидели гости хозяина, которые приехали незадолго до тебя. Они что-то искали у тебя.

Кирилл машинально сунул руку в карман. Так, денег нет, все истратил на угощение случайных собутыльников. Но нет и письма покойного отца, которое он должен отдать настоятелю монастыря. Котомки с вещами тоже нет. Может, девушка что-то знает?

— Как зовут тебя, красавица?

— Марией родители нарекли.

— Мария, ты не видела, кто забрал у меня письмо, что лежало в кармане? — встревожено спросил Кирилл.

— Наверное, гости хозяина. Может, знатный господин... А может, человек из племени вепсов. Нашим пропойцам письмо ни к чему, они и читать-то не умеют. Знатный господин приказал моему хозяину бросить тебя в озеро. Он хотел, чтобы ты умер.

— Так это ты меня спасла? – Кирилл вопросительно поглядел на девушку. – Но почему? Кирилл услышал короткий вздох и понял, что девушка колеблется. Вдруг она обвила его шею руками и прижалась к его рту своими теплыми губами. Поцелуй вышел быстрый, легкий, но страстный. На мгновение он ощутил все тело Марии, но она тут же отстранилась, неровно дыша.

— Не спрашивай, почему, — прошептала девушка, задыхаясь. – Сама не знаю... Ты мне нравишься, как никто еще не нравился. Когда я увидела, как ты попал в беду, у меня сжало сердце, я дышать не могла. Смерть твоя была бы моим грехом до конца дней. Вот и обменяла твою жизнь у пропойцев на бутылку хлебного вина.

Мария немного успокоилась, пригладила волосы, поправила свой сарафан.

— Ну вот и все, мне идти надо. Хозяин может хватиться, где я.

Кирилл удержал ее за руку. Он не хотел, чтобы она уходила. Наверное, это из-за странного волнения, которое он испытал от мгновенного прикосновения ее тела; он вспомнил чувство, которое испытал, глядя на спасенную им недавно девушку Вегу.

— Ты спасла мне жизнь. Как отблагодарить тебя?

Он услышал смех девушки, в темноте ощутил прикосновение ее руки. Она погладила его лицо, рука скользнула ниже, под расстегнутую рубашку.

— Ты слишком молод. Но мы еще встретимся...

Фигура девушки растаяла в темноте. Кирилл еще долго не мог прийти в себя. Хорошо, что эта ночь выдалась теплой, да и вода в озере нагрелась за день. Юноша разделся, зашел в воду и как следует поплавал. Пьяная дурь ушла, сознание прояснилось, наш герой снова был готов к новым приключениям.

Глава 4

Тишину ночи нарушили звуки колокольного звона. Звонили рядом, в монастыре. Сначала три редких, медленных протяжных удара в большой колокол, затем мерные удары один за другим в малый призывали братию и прихожан к заутренней службе. Звуки благовеста торжественно плыли над водами Сиверского озера. Кирилл хорошо знал годовой и суточный круги богослужений, отец научил его многим церковным премудростям. «Звонят к заутрене, значит, скоро восход солнца, — сообразил он. — Сколько же я пролежал здесь?». В его душе вспыхнуло чувство благодарности к Марии, которая спасла его от неминуемой смерти. И еще Кирилл досадовал на себя за то, что вел себя по-мальчишески в кабаке. Да и утрата отцовского письма значительно усложняла выполнение данного отцу обета.

Вскоре стало светать. Недалеко от берега озера проходила дорога, на которой показались фигуры богомольцев, спешивших в монастырь. Кирилл решил присоединиться к ним.

Дорога вывела к речке, чьи воды текли вдоль северных стен монастыря и вливались в Сиверское озеро. Через речку был переброшен мост, за которым находились хозяйственные службы. Справа стоял конюшенный монастырский двор, обнесенный забором с воротами. На дворе находились четыре огромных конюшни, денник, где служки уже кормили лошадей овсом, два больших амбара, жилая изба конюхов. Кирилл еще не знал, что по древнему Студийскому уставу в монастырях могли жить только монахи и послушники, все миряне должны были жить вне стен монастыря.

Далее, напротив южной стены, располагалось десять житных амбаров с монастырским зерном. Здесь же на реке стояли две мельницы, на которых мололи зерно и солод. Рядом виднелась келья мельничного старца, в оконце теплился уже огонек зажженной свечи.

Слева от дороги возвышался гостиный двор для монастырских гостей и паломников. Рядом с ним стояли амбары для хранения товаров, избы, клетки, конюшня для лошадей богомольцев. Недалеко находилось несколько рубленых изб на подклетьях с дощатыми чуланами для монастырских слуг. По количеству жилых помещений этого двора можно было судить о количестве людей, трудившихся на монастырь.

Вдоль стен монастыря располагались санный двор с избами и амбарами, двор плотников и каменщиков. У восточной стены размещался шваленный двор со швальней – мастерскими для портняжных, кожевенных и других работ. Около швальни жили разные мастеровые люди: иконники, портные, сапожники, кожевенники. Недалеко от южных стен, на берегу озера виден был кузнечный двор с кузнями и амбарами для угля, а также избы кузнецов.

Между службами и стенами монастыря находились огороды, засаженные разными овощами: репой, капустой, морковью, свеклой, луком и чесноком, а также огурцами.

Во всем этом большом и пестром хозяйственном мире монастыря нашему герою предстояло еще долго разбираться. Это был своеобразный организм со своими законами и порядками.

По мере приближения к стенам монастыря толпа богомольцев постепенно увеличивалась. Когда Кирилл подошел к Святым воротам с возвышающимся над ними храмом, ему уже трудно было противиться общему ритму людского потока. Ворота имели два арочных проезда – большой и малый. Большой, предназначенный для повозок, был закрыт, все шли по малому проезду. Поэтому юноша лишь мельком смог рассмотреть фрески, покрывавшие своды и стены главного входа. А посмотреть там было на что. На полукруглых столбах искусными художниками были изображены архангелы Михаил и Гавриил. Первый как глава Небесного воинства охранял обитель, а второй держал в руках свиток – книгу жизни. На северной арке ворот старцы изобразили видение Моисеем Неопалимой Купины на Синае. Кирилл помнил рассказ отца о том, что когда Моисей пришел посмотреть на удивительный терновник, который горел, но не

сгорал, то к нему воззвал Господь и сказал: «Не подходи сюда, сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

Реалистичность картины, изображенной на фреске, настолько поразила Кирилла, что он буквально застыл на месте, разглядывая эту сцену. Идущие на богомолье прихожане вынуждены были обходить его, что вызвало небольшой затор в проезде ворот. Молодой монах, стоящий у входа, подошел к Кириллу и взял его за руку.

— Наверное, ты впервые в монастыре, юноша? – ласково обратился он к Кириллу. – Иди смело и не бойся ничего, теперь ты под защитой святого Кирилла.

Монах помог Кириллу пройти через толпу паломников и затем вернулся на свое место у Святых ворот. С волнением в сердце ступил Кирилл на землю Кириллова монастыря. Его взору открылась панорама монастырских зданий, сооруженных из кирпича и штукатуренных известкой в белый цвет. Прямо перед ним на другом краю площади возвышалась громада Успенского собора, куда и направлялись все богомольцы. Далее за ним находились церковь Архангела Гавриила и колокольня. Рядом с ними — здание трапезной палаты с храмом Введения. Далее стояла небольшая церковь, поставленная в честь знаменитого кирилловского врача Лавра, почившего в 1520 году после долгой жизни и пострижения в большую схиму. Слава его была велика, и даже после его смерти посещение мощей Лавра, прикосновение к ним помогало многим страждущим.

Правую часть площади занимали кельи настоятеля и соборных старцев, а также здание казначейства. Повернувшись налево, Кирилл увидел длинную полосу братских келий, протянувшуюся вдоль каменной ограды и образующую полукруг около Успенского собора и церкви Архангела Гавриила. Братские кельи стояли отдельно друг от друга, все они были построены из кирпича, в каждую келью вела отдельная лестница. По ним степенно сходили вниз одетые в черные мантии и клобуки монахи.

По большим плитам, вытесанным из древних валунов, монахи и прихожане пересекали монастырскую площадь и входили под своды древнего Успенского собора. Кирилла поразила его монументальная мощь и гармоничность. Лишенный подклета, собор как бы вырос из земли и устремлялся в небо. Стены собора были покрыты яркими фресками. Алтарь от храма отделял дивной красоты иконостас, напротив которого висело несколько медных паникадил. Около нижнего ряда иконостаса, где находились местные иконы, стояло шесть подставных свечей (подсвечники у них были глиняными, а надсвечники, куда вставляли свечи – медными). Иконостас с горевшими перед ним свечами мерцал и переливался в первых лучах солнца, проникавших в собор сквозь небольшие щелевидные проемы наверху.

Вскоре все помещение храма заполнилось богомольцами. На клиросе и в передней части храма стояли монахи, позади них толпились прихожане: монастырские служки и работники, жители монастырской слободы и окрестных сел, богомольцы и «робята пустошки», которые кормились при монастыре.

Царила тишина, взгляды всех были устремлены к алтарю. Наконец зазвучал знаменитый распев – торжественное, спокойно-сосредоточенное молитвенное пение. Из алтаря вышел пономарь со свечой в руке и торжественно провозгласил: «Восстанете!». Священник в фелони из серебряной парчи с кадилом в руках после слов: «Слава Святой Единосущной и Животворящей Троице» начал кадить храм и братию. Монахи хором ответили: «Аминь», и начались начальные молитвы праздничной утрени.

Кирилл вместе со всеми крестился, совершал поклоны, отвечал в нужных местах «Аминь», подпевал хору, однако стремился разглядеть среди монахов настоятеля монастыря игумена отца Матфея. Ему удалось сделать это только в момент чтения и целования Евангелия. Священник после чтения Евангелия торжественно возложил его на аналой. Под пение хора «Хвалите имя Господне» к аналою первым подошел высокий и худой монах в праздничной ризе из золотой парчи. На голове у него была митра – богато украшенная парчовым

шитьем и драгоценными камнями высокая твердая шапка, плавно сужающаяся к ободу вокруг головы. Он опирался на резной посох – знак высшей пасторской власти. Одевание и посох в руке означали, что настоятель монастыря имел монашеский чин игумена. Отец настоятель трижды поклонился и громко произнес молитву: «Со страхом и любовью приступаем к тебе, Христосе, и веруем словам твоим; со страхом, потому что грешны, с любовью же из-за того, что спасены Тобой». Затем поцеловал Евангелие, отступил от аналая, поклонился и произнес: «Веруем, господи, во святое Твое Евангелие, Христе боже, помоги нам и спаси души наши». После этого отец Матфей занял место около правого столба храма (*отец Матфей был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря с 1606 по 1615 гг.*).

Вслед за игуменом к целованию Евангелия стали подходить монахи, иноки, затем подошла очередь и мирян. Одним из последних к аналою подошел Кирилл. Он сделал три поясных поклона и почувствовал, что у него закружилась голова, перед глазами все поплыло. В соборе было душно, дым благовоний кружил голову. Юноша пошатнулся и чуть не сбил Евангелие с аналая. Его подхватил под руку диакон, стоящий у аналая, и повел к выходу, приговаривая: «Боже, будь милостив к нам, грешным».

Выведя юношу из собора, диакон усадил его на скамейку у паперти и тихо промолвил:

— Отдохни, сын мой. Чей ты будешь?

— Я сирота. Мать давно умерла, а отец недавно помер. Хочу Богу служить, вот и пришел сюда.

Диакон усмехнулся, покачал головой.

— Думаешь, легко это – Богу служить? Сколько таких, как ты, юнцов видел я здесь. Богу служить труд огромный и тяжелый, не всем это дано. Мой тебе совет, поищи себе другое место для подвига житейского.

Кирилл в душе был согласен с диаконом. Но его будто кто-то окликнул: «Ты дал слово отцу, и это слово нерушимо. Не поддавайся дьявольским увещаниям».

— Много соблазнов в мире, — продолжил диакон. — Много зла, много ненависти. Таким, как ты, нужно защищать землю нашу, а не Богу поклоны отбивать. Видно, что силушкой тебя родители не обидели.

«Не слушай его, ты слово дал, — внушал Кириллу незримый собеседник. — Найдется кому воевать и без тебя. Твое место здесь, в святой обители».

Диакон наклонил голову, с улыбкой глядя на юношу.

— Видно, не убедил я тебя, крепок ты в своем желании. Посиди здесь, я после службы доложу о тебе настоятелю монастыря. Может, и осуществится твоя мечта. Меня зовут отец Василий.

Он перекрестил Кирилла, повернулся и скрылся за дверями храма. Юноша смог спокойно оглядеться вокруг. Солнце уже ярко светило на голубом небе, по дорожкам перед собором бродили голуби, около паперти дрались из-за крошек нахальные воробьи. На паперти сидели и стояли нищие, вымаливая подаяния у прихожан. Они были одеты в живописные лохмотья, выставляли напоказ свои язвы и увечья, протягивали вперед дрожащие руки. Среди нищих находился высокий мужчина, закутанный в рваный платок. Он явно старался держаться в тени. Что-то знакомое показалось Кириллу в этой фигуре. Он хотел лучше разглядеть странного нищего, но служба закончилась, из дверей собора хлынули вперемежку монахи, прихожане, служки. Спустя несколько минут показались игумен монастыря с диаконом Василием, перед которыми почтительно расступались и монахи, и миряне. Отец Матфей в мантии со скрижалями и мирте на голове, с посохом в руке выглядел величественно. Однако выражение его глаз говорило о какой-то внутренней боли, физической или духовной. Да и движения его были скованы, будто каждый шаг причинял страдания. При приближении монахов Кирилл вскочил со скамейки и почтительно поклонился. Отец настоятель осенил его крестным знаменем и остановился рядом, внимательно глядя на юношу.

— Мне сообщили о твоём желании посвятить жизнь служению Богу, — сказал он после некоторого молчания. — Откуда ты? Кто твои родители?

— Ваше Высокопреподобие, меня зовут Кирилл, я родом из деревни Раменье, что на Шексне, — поспешил ответить юноша. — Отец был там священником, звали его Павлом, по фамилии Богданов, недавно представился богу. Мать умерла от болезни уже давно.

— Постой, постой... Уж не был ли отец твой монахом в нашем монастыре?

— Да, он начинал свое служение Богу здесь. Перед смертью он взял с меня обет, что я тоже стану послушником в монастыре, и написал Вам письмо.

Кирилл запнулся, вспомнив о своих приключениях. Отец игумен оживился, его лицо слегка порозовело.

— Ну что же ты, юноша, сразу не отдал мне это письмо. Я помню твоего отца, мы вместе начинали трудный путь послушания, потом пути наши разошлись.

Кирилл не знал, что и сказать. Наконец он решился:

— Письмо было у меня еще вчера, и я его хранил как зеницу ока! Но у меня коварно похитили его.

И он рассказал обо всем, что произошло за истекшие сутки, описал во всех подробностях незнакомца в Горицах и ссору с ним, свои приключения в Обшарском кабаке. Умолчал он лишь про свое спасение и роль в этом Марии. Чем дальше он рассказывал, тем более мрачным становилось лицо игумена, и наоборот, более приветливым лицо отца Василия.

— Странная история, — задумчиво произнес отец Матфей. — Не успев стать послушником, ты попал в кабак, напился вина, тебя обобрали до нитки. Не знаю, можно ли тебе верить.

Видно было, что он колебался. Ему явно не хотелось оставлять Кирилла в монастыре, однако память о былом обязывала помочь юноше. Наконец он решился.

— Отец Василий, — обратился игумен к своему спутнику. — Отведи юношу к келарю, пусть тот накормит его и даст одежду. Судьбу его решим вечером, на церковном соборе.

Отец Василий поклонился и коснулся руки юноши, давая тем самым ему знак следовать за собой. Отойдя от собора на несколько десятков шагов, монах остановился, повернулся к Кириллу и спросил того, понизив голос:

— Скажи мне, не было ли у этого незнакомца легкого рубца на виске?

— Да, был как будто от удара саблей.

— Он был высокого роста?

— Да, господь Бог не обидел его ростом.

— Бледный, с длинными рыжими волосами?

— Да-да, именно такой. Видно, отец Василий, вы знаете этого человека? Кто он такой?

Где мне его найти, чтобы вернуть письмо отца?

— Если это он, то не советую больше встречаться с этим человеком. Он очень опасен и убьет тебя, не задумываясь.

Кирилл был поражен. «Значит, это был настоящий враг, раз его здесь так опасаются, — подумал юноша. — Постой, уж не он ли был на паперти собора, когда я там сидел?». На паперти нищих стало уже заметно меньше, и среди оставшихся не было подозрительных людей. Отец Василий повернулся и быстро зашагал по дорожке, увлекая за собой юношу. «Ладно, в другой раз расскажу о своих подозрениях, — решил Кирилл. — Время еще будет». Он поспешил за удаляющимся монахом.

Келарю монастыря старцу Савве было недосуг заниматься делами юноши, являясь помощником настоятеля по ведению монастырского хозяйства, он одновременно решал в это утро сразу несколько дел. Поэтому он поручил Кирилла заботам старца Диодора. Тот первым делом повел гостя в трапезную — большую палату, вход в которую был через церковь. Цилиндрические своды трапезной опирались на большой свод в центре. На восточной стене находился иконостас, над дверью — большой крест «Распятие Господне», на столбе — образ

Одигитрии со святыми и преподобными. В трапезной стояли столы, накрытые скатертями, и деревянные лавки. Был воскресный день да к тому же великий праздник, служки суетились и накрывали к обеду на столы березовые тарелки для варева и ставцы для кваса, раскладывали ложки репчатые (похожие по форме на репу), украшенные черенками из рыбьего зуба, ставили ковши каповые (сделанные из нароста на березе) и медные для кваса.

В трапезной полагалось вкушать пищу только монашествующим, поэтому старец провел юношу в чулан, кликнул слугу-трапезника и передал тому распоряжение келаря накормить гостя. Вскоре перед юношей стояла на столе тарелка, в которой дымились густые щи из свежей капусты. На второе была ячневая каша с ломтем ржаного хлеба. В заключении трапезник поставил на стол братину с квасом. Кирилл не ел горячего уже несколько дней, и поэтому проглотил угощение в мгновение ока. Виновато глядя на старца Диодора, сидящего напротив его, юноша промолвил:

— Извини, отче, не устоял перед соблазном... Не ел ничего вкуснее в своей жизни.

Диодор вздохнул, ласково поглядел на юношу и сказал:

— Не клейми себя, в этом нет ничего грешного. В твоём возрасте у меня тарелка пустела ещё быстрее. Сейчас бы так, но не получается... Добавки здесь не дают, пойдем к отцу под ключнику, подберем тебе одежонку.

Напротив трапезной стояло здание казенной палаты, в которой хранили одежду. Гриша Горбун, заведовавший палатой, был на месте, и быстро подобрал Кириллу две свитки, порты, сапоги и чулки, старую, но вполне ещё годную для носки рясу и черную шапочку на голову. Послушники Кириллова монастыря одевались обычно таким образом. Все обновки были сложены в мешок, который Гриша Горбун вручил юноше со словами: «Носи и не кашляй».

На этом заботы старца Диодора о Кирилле закончились. Он внимательно посмотрел на юношу, довольно кивнул и сказал:

— Иди теперь на гостиный двор, переоденься в обновки и жди. После богослужения девятого часа за тобой придет послушник. Соборные старцы решать будут, оставлять тебя в монастыре или нет.

Кирилл так и сделал. На гостином дворе он первым делом переделся в новые одежды, старую одежду сложил в мешок – подарок Гриши Горбуна, забрался на полати гостиной избы, мешок сунул под голову и заснул. Через пару часов его разбудил послушник в поношенной рясе, дал немного времени на приведение себя в порядок и пригласил следовать за собой. На вопросы Кирилла послушник не отвечал, а только вел его за собой. Прошли Святые ворота и свернули направо, к покою настоятеля. По крутой лестнице взошли на высокое крыльцо, переступили порог наружной двери и оказались в сенях. Послушник тихо стукнул в дверь кельи, из-за неё раздался голос отца настоятеля: «Входите, дети мои».

В келье царил полумрак, однако Кирилл смог рассмотреть ее обстановку. В восточном углу находились иконы и большой крест с Распятием. Перед ними стояли подсвечник и аналой: видно было, что здесь игумен совершал свое келейное молитвенное правило. На стенах находились полки с книгами и бумагами. У небольшого оконца стоял стол с письменными принадлежностями. Около двери висел кумганец – медный рукомойник с носиком и крышкой, лохань и кувшин для воды, рядом с ними на крючке висело обычное льняное полотенце. О том, что это была келья знатного монаха, говорил кожаный стул у стола и часы с висячими гириями. Вдоль стен располагалось несколько лавок, на которых сидело несколько старцев. Братья монастыря кроме отца настоятеля избирала еще двенадцать соборных старцев по числу апостолов, учеников Христа. Все важные монастырские дела глава обители должен был решать вместе с соборными старцами.

Наш герой смиренно поклонился присутствующим и остановился около двери, потупив глаза. Несколько мгновений в келье стояла тишина, старцы внимательно рассматривали юношу. Затем отец Матфей тихо произнес:

— Юноша говорит, что он сын отца Павла, бывшего монаха нашего монастыря. Но письмо от отца с просьбой принять его послушником в монастырь он потерял при весьма странных обстоятельствах. Деревня Раменье, откуда он, далеко отсюда. Нам надо принять решение: принять юношу или отказать ему.

— Многие из нас помнят отца Павла, — вступил в разговор старец в черной скуфии на голове. — Заслуги его перед обителью неоспоримы. Но мы помним и о том, что отец Павел нарушил обет безбрачия, данный им перед Богом и братией. Для него любовь к женщине стала выше любви к Господу Богу.

— Отец Никодим, — вступил в разговор другой старец в клобуке черного цвета с длинным шлейфом. — Ты до сих пор не можешь простить отца Павла. Но ведь он не случайно послал своего сына в наш монастырь. Сын должен замолить грехи отца.

Теперь одновременно в разговор вступило несколько старцев. Они спорили о том, грешен ли был отец Павел, которого многие хорошо знали, может ли сын заступиться перед Господом Богом за отца. Конец спору положил сам игумен, который ударил свои посохом в пол кельи.

— Вижу я, что давний поступок отца Павла до сих пор не дает покоя некоторым из вас. Бог на том свете решит, грешил отец Павел или нет. Нам же надо решить судьбу юноши, который перед нами. Время сейчас смутное, враги недалеко от обители. Где гарантия, что он не подосланный шпион? Кто поручится за него?

Наступила гнетущая тишина, старцы обдумывали слова своего настоятеля. Кирилл стоял молча, но внутри его все бушевало. Как так, разве он может быть шпионом? Но в то же время он понимал, что сам дал почву для сомнений. Как же он опростоволосился, как мог потерять письмо батюшки?

Гнетущее напряжение разрядили слова священника, до сих пор молча сидевшего в углу кельи:

— Если братья мне поверят, я поручусь за юношу. Нам нужны воины для защиты обители, а юноша может стать достойным продолжателем дела своего отца. Я слышал много о ратных подвигах отца Павла.

Кирилл только сейчас узнал в этом священнике отца Николая, плывшего вместе с ним на судне по Шексне. Теплое чувство благодарности к человеку, заступившемуся за него, заполнило его сердце.

Отец настоятель помолчал, потом встал и ударил посохом.

— Старцы соборные, не возражаете отцу Николаю? Отныне он отвечает за юношу. Быть по сему. Но вначале юноша должен пройти послушания. А мы все посмотрим, как он выдержит это испытание. Благословляю тебя, Кирилл, на трудную дорогу служения Господу Богу. Бери пример в этом с преподобного Кирилла, основателя нашей обители.

Он перекрестил юношу, тот в порыве благодарности упал перед игуменом на колени и поцеловал благословляющую его руку. Потом встал, поклонился земным поклоном соборным старцам и молча вышел из кельи.

Глава 5

Послушник, приведший Кирилла на собор старцев, остался в келье, выслушал указания настоятеля и вскоре догнал Кирилла.

— Первое твое послушание, — впервые заговорил послушник, — стирать свитки на братию. Пойдем в Свиточную башню, там будет твое место.

— Когда я встречу с отцом Николаем? — спросил Кирилл. — Как я могу отблагодарить его?

Послушник остановился и с завистью посмотрел на юношу.

— Повезло тебе, что он заступился за тебя. Он заведует в монастыре ратным делом, сам умелый воин. Когда нужно будет, он сам позовет тебя. Если тебе что-то потребуется, найдешь меня. Я помощник брата эконома, меня зовут Михаил.

Помолчав, послушник добавил:

— Среди «детенышей», что свитки стирают, разные люди есть. Берегись, тебе они обязательно какую-нибудь пакость устроят. Они так развлекаются, грехов не боятся.

Вначале, забрав на Гостином дворе мешок со старой одеждой Кирилла, юноша и послушник совершили ознакомительную прогулку по монастырю. В ходе неё послушник Михаил рассказал, что обитель делилась на Большой Успенский монастырь и Малый Ивановский монастырь. Начало этому разделению положили великий князь Василий III со второй женой Еленой Глинской, которые приезжали в 1528 году молиться о даровании им наследника. После рождения сына Ивана (который стал впоследствии первым русским царем Иваном Грозным) на их средства за пределами Большого Успенского монастыря, на холме, где некогда находилась келья преподобного Кирилла, была построена церковь Иоанна Предтечи. Вскоре около этой церкви появился целый ряд построек, свои кельи, службы и даже свое кладбище. При жизни царя Ивана Грозного, который любил приезжать в обитель и даже принял перед смертью пострижение в её монахи, развитие Малого Ивановского монастыря продолжалось. В нем были построены трапезный храм Сергия Радонежского, больничная палата. Впрочем, к описываемому времени разделение Кирилловой обители на Большой и Малый монастыри уже было весьма условным, руководство монастыря было единым, как и крепостные стены, окружавшие обитель.

Конечным пунктом прогулки стала Свиточная башня, которая возвышалась на мысу, с двух сторон омываемом Сиверским озером. В нижнем помещении четырехгранной башни, в жилой палате, жили трудники, их называли еще «детенышами», которые стирали одежду для монахов. Старшим среди них был брат Ермолай – невысокого роста мужичок с хитринкой в глазах. Он показал Кириллу свободное место на полатах и важно объявил, что сегодня выходной в честь праздника Рождества Иоанна Предтечи, работы начинаются завтра после утрени. Однако Кирилл, как новичок, на утрени не пойдет, а будет греть воду в котлах.

За хлопотами не заметили, как начало садиться солнце. Кирилл видел, как по монастырскому двору пономарь направился к отцу настоятелю за благословением на службу. Вскоре раздалась медленные, с интервалами, удары колокола. Пономарь спустился с колокольни и зашел в собор, где поставил зажженную свечу перед Царскими вратами. Затем он вновь поднялся на колокольню, откуда раздалась звуки благовеста.

К вечеру стали собралась и новые товарищи Кирилла. Они обсуждали между собой, что же подадут на ужин, который должен состояться после службы. Кирилл уже успел проголодаться, и внимательно слушал эти разговоры, предвкушая будущую трапезу. Однако его ждало разочарование, старший Ермолай повелел ему приготовить дрова и натаскать воду в котлы для стирки. Котлы стояли неподалеку от башни под открытым небом, поленицы дров находились на расстоянии полсотни сажень. Пришлось юноше сначала носить большие охапки дров и сва-

ливать их рядом с котлами, а затем таскать через калитку в стене воду из озера в больших медных ведрах. Всего котлов было пять, в каждый из них заливалось шесть ведер воды. Когда Кирилл закончил свою работу, было уже совсем темно.

Тем временем вернулись трудники, которые оживленно переговаривались между собой. Лица их порозовели, движения стали плавными и важными. Оказалось, за ужином подавали калачи, икру, лапшу с перцем и по чаше хмельного медового кваса. Пока работники при свете зажженной лучины обсуждали меню ужина, Ермолай вышел наружу, внимательно осмотрел все, что успел сделать Кирилл. Вернувшись в палату, он довольно кивнул головой и достал из-за пазухи половину мягкого хлеба.

— Пожуй хлебушка да ложись спать, завтра, как зазвонят к заутрене, встанешь и разведешь огонь под котлами. Вот тебе кресало, лучинки сам настрогай.

Кирилл съел хлеб, запил его водой из котла и улегся на полатах. Не успел он положить голову на мешок со старой одежкой, как провалился в глубокий сон... Казалось, прошло одно мгновение, и вот уже кто-то толкает его в бок. Спросонья Кирилл оттолкнул наглеца ногой, а в ответ получил оплеуху.

— Ах ты, ирод, еще пинаешься! – раздался голос Ермолая. – Вставай, уже звонили к утрене, пора за работу браться!

Только теперь до Кирилла дошло, где он находится. Он сполз с полатей, натянул на ноги сапоги, толкнул дверь и вышел наружу. Юноша спал всего четыре часа, однако чувствовал себя отдохнувшим. Только чувство голода и утренняя свежесть, вызывавшая озноб, мешали радоваться жизни. Уже начинался рассвет, первые лучи солнца освещали розовевшие облака, в кустах около монастырской стены щебетали птицы, приветствуя новый день. Надо было разжигать огонь, чтобы согреть воду для стирки. Кирилл схватился за карман портков, куда вчера сунул кресало, и похолодел, кресала не было. «Это и есть испытание, о котором предупреждал вчера послушник Михаил, — подумал юноша. – Ничего, посмотрим, как эта шутка закончится».

Прямо перед ним, в нескольких десятках шагов, возвышалась громада трапезной палаты. В узких, похожих на бойницы, окнах её уже горел огонек. Кирилл решительно направился к ней. На мощной двери висело большое воротное кольцо. Взявшись за кольцо, юноша несколько раз ударил им по двери.

— Кто там стучается в ворота? – раздался знакомый голос из-за двери.

Пока Кирилл вспоминал, кому он мог принадлежать, дверь раскрылась, и в её проёме показался пожилой послушник. Через мгновение Кирилл узнал в нем Семена, который привез его в Кириллов. Тот тоже пригляделся к гостю, и в глазах его мелькнул веселый огонек.

— Господи помилуй, кого к нам принесло, — шире распахивая дверь, добродушно молвил Семен. – Заходи, юноша, рад тебя видеть. Как поживает кабатчик на Кабацкой горке, как ты у него погостил?

— Здравствуйте, дядя Семен, — Кирилл поклонился и переступил порог трапезной палаты. – Извините меня, дурака, что не послушался Вас. Мне надо многое Вам рассказать, но сейчас не выручите меня? Мне огонька надо, развести огонь под котлами у Свиточной башни.

— Понятно, значит, у тебя первое послушание — свитки братии мыть будешь? Везет тебе, добился, значит, своего. Подожди здесь, в палату посторонним нельзя входить.

Дядя Семен скрылся в глубине чулана, который располагался за дверью. Это был черный вход в трапезную, через который заходили монастырские слуги и послушники. Через несколько мгновений дядя Семен вышел из трапезной, держа в одной руке фонарь, в котором теплился огонек свечи, а в другой руке — небольшой сверток.

— Держи, юнец, гостинец от дяди Семена, — смущаясь, проворчал послушник. – Как будет время, зайди, я здесь трапезником служу.

Кирилл благодарно поклонился, в искреннем порыве схватил натруженную руку дяди Семена и поцеловал её.

— Спасибо, дядя Семен! Не гневайся на меня, что не послушал тебя тогда. Дай Бог тебе здоровья!

Юноша поспешил обратно к своим котлам, с помощью свечи из фонаря запалил огонь под ними, затем торопливо развернул сверток. В чистой тряпице лежали большой вяленый лещ и пирог с капустой. Через несколько минут от леща остались чешуя и кости, а от пирога одни воспоминания. Остатки пиршества вскоре полетели в огонь, а Кирилл, согревшись от костра и хорошей трапезы, прикорнул у котлов, вполглаза следя за пламенем.

Одним за другим из жилой палаты Свиточной башни выходили работники, которых Ермолай призывал идти к заутрене. Однако они не торопились на церковную службу и норавлили еще несколько минут подремать в теплой палате. Один из служек, рыжий неопрятный мужик лет тридцати, еще в палате начал спорить с Ермолаем. Выйдя на свет божий, он с ненавистью уставился на Кирилла.

— Этот приبلудный не может даже правильно развести огонь, — злорадно заворчал он. — Смотрите, он сидит и не работает.

— Чего ты к парню цепляешься, Ефим, он все уже сделал, — отшил его Ермолай. — Это ты все время просыпал и не мог нагреть воды к утренней стирке. Иди к службе, сам знаешь, отец настоятель не любит, когда кто-нибудь опаздывает.

Вскоре все ушли на утреню. Так как был будний день, утреню служили без великого словесия, но все равно она продолжалась почти два часа. За это время вода в котлах нагрелась и кипела, выплескиваясь на огонь. Кирилл вместе с еще одним работником засыпал в котлы просеянную золу и заложил туда одежду монахов: в один котел — монашеские мантии, в другой — рясы и подрясники, в третий — свитки, в четвертый — чулки и портки. Горячая вода в последнем, пятом котле предназначалась для стирки служебных одеяний монахов — подризников, фелоней и стихарей. Этим занимался сам Ермолай, не доверяя эту работу никому.

После богослужения все вернулись в Свиточную башню, переоделись в рабочие одежды и принялись за работу. Кирилл активно включился в этот процесс. Служки извлекали из котлов прокипяченную одежду и стирали ее на специальных досках с волнистой поверхностью, добавляя золы. Затем брали в руки вальки — массивные, изогнутые кверху деревянные бруски с длинной рукоятью и били ими по мокрому белью. После этой процедуры мокрое белье и одежду складывали в большие деревянные шайки и несли на озеро полоскать. Полоскали с мостков, далеко уходящих в Сиверское озеро, с помощью кичиг — длинных деревянных палок с утконообразными окончаниями. Затем всю выстиранную одежду и белье развешивали на веревках, прикрепленных к длинным шестам. На солнышке и ветерке белье к вечеру высыхало. После этого начиналась завершающая операция — глажение. Гладили с помощью рубелей — деревянных массивных вытянутых брусков из липы с короткой круглой рукоятью, рабочая поверхность которых покрывалась поперечными рубцами. Рубелем растягивали еще слегка влажную ткань, которая становилась от этого гладкой. После повторного высыхания чистую одежду и белье складывали в корзины и относили отцу келарю, который затем выдавал монахам постиранную одежду. Если учесть, что в монастыре было несколько сотен монахов и послушников, то работой товарищи Кирилла были обеспечены с раннего утра до позднего вечера.

Кирилл вскоре втянулся в работу и добросовестно выполнял свои обязанности. Единственное, что сильно мешало ему — это постоянный голод, особенно по утрам. В монастыре утром пищу никто не принимал, обед был не всегда сытным, ужин же был не каждый день. В малые праздники и постные дни (понедельник, среда и пятница) полагалась всего одна трапеза. Монастырская трапеза не баловала разнообразием. Однако Кирилла выручал дядя Семен, который регулярно подкармливал юношу.

Кириллу нравилось носить воду и колоть дрова. Конечно, первое время с непривычки на руках юноши появлялись мозоли. Эти мозоли лопались и причиняли боль. Поэтому пришлось при заготовке дров надевать холщовые рукавицы. Постепенно кожа на ладонях огрубела, и мозоли на руках уже не появлялись. Колоть дрова Кириллу приходилось дома, так что он мог расколоть полено топором с одного удара. Наносив воду с озера и наколов дров, Кирилл рано утром, когда братия еще спала, шел на поварню за огнем. Там он зажигал свечу от огня в огромной печи и нес ее, прикрывая от ветра. Подготовленная щепка быстро вспыхивала, и вскоре огонь охватывал наколотые поленья. Оставалось только смотреть за тем, чтобы случайные искры не попали на приготовленную к стирке одежду, да вовремя подкидывать в огонь новые поленья.

Так прошло около месяца. По утрам становилось все более прохладно, на лужах по утрам стал появляться первый ледок. Все у Кирилла было хорошо, кроме отношений с Ефимом. Раньше именно Ефим занимался ноской дров и воды, топкой котлов, но постоянно утром просыпал начало работы и халатно относился к своим обязанностям. Поэтому Ермолай и перевел его в прачки. Ефим же считал себя благородным человеком, перевод на новую работу воспринял как личное оскорбление. Виновником своих бед он считал Кирилла, которого возненавидел с первого дня. Именно он украл кресало в первый день работы юноши. Но и после этого Ефим не оставлял надежд взять реванш. К тому же он случайно увидел на груди у Кирилла золотой оберег, подаренный юноше Вегой, внучкой вождя вепсов. Кирилл носил его рядом с крестиком и очень им дорожил. Ефим решил завладеть талисманом, а заодно и покончить с Кириллом. Он подговорил своих дружков – Генку Пытина и Сашку Барашкова – напасть ночью на Кирилла.

Этой ночью, как обычно, после колокольного сигнала к заутрене Кирилл поднялся и вышел из жилой палаты, готовясь начать свою обычную работу: носить дрова и воду к котлам для стирки. Сапоги сразу же намokли от ночной росы. Было еще темно, и он не заметил Ефима и его поделщиков, притаившихся за поленницей дров. Набрав охапку дров, Кирилл хотел нести их к котлу, но поскользнулся на мокрой траве, потерял равновесие и чуть было не упал. Это и спасло его, удар кистенем, нацеленный в затылок, пришелся по охапке дров, слегка задев руку.

Бросив дрова, Кирилл выпрямился и оказался лицом к лицу с тремя противниками. Лица их были замотаны тряпками, в руках у одного был кистень, у другого нож, третий же вооружился большим поленом.

— Негодяи, — крикнул Кирилл, бросаясь головой вперед на ближайшего противника.

Удар пришелся в челюсть нападавшего и был очень сильным, противник юноши упал и выронил кистень. Кирилл моментально схватил оружие разбойника и бросился на того, в чьей руке был нож. Удар кистенем пришелся по правой руке второго противника, тот с воплем выронил нож и отчаянно замахал рукой. Разозлившись, Кирилл дрался отчаянно, используя все свое уменье. Более высокий и более подвижный, он имел преимущество перед противниками, кроме того, они толкались и мешали друг другу. Шум схватки привлек внимание, в окнах келий загорались огоньки, раздались встревоженные голоса. Неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы один из нападавших не просвистел два раза. Мгновение – и все трое растаяли в утренней полумгле.

Вскоре на месте битвы были монахи, послушники и монастырские сторожа. Как они не старались, разбойников не удалось обнаружить. На глади озера, подхотившего в этом месте прямо к стенам монастыря, не было лодок. Все ворота обители были еще закрыты. Сошлись на том, что напасть могли только свои. Поиски хотели продолжить уже днем. Однако после утренней молитвы на работу вышли все, кроме Ефима и Генки Пытина. Сколько их не искали, так и не нашли. Кроме того, Сашка Барашков появился на работе с синяками на лице и замотанной в тряпье правой рукой. Его взяли в оборот, и он вскоре признался в том, что был одним

из нападавших на Кирилла людей. Рассказал, что подбил его и Генку Ефим, который обещал угостить их выпивкой за помощь в этом злодействе. На вопрос о том, куда делись его сообщники, Сашка признался, что они решили убежать к полякам. Звали и его, да он решил остаться, так как рука сильно болела. Отец настоятель пощадил Сашку, вместо монастырской тюрьмы наложил на того наказание – сорок дней сухоядения (хлеб и вода) и сорок ежедневных земных поклонов.

Вечером в жилую палату Свиточной башни пришел послушник, который пригласил Кирилла к отцу Николаю. Противоречивые чувства охватили юношу – с одной стороны, радость от предстоящей встречи, с другой стороны, чувство неуверенности в себе и страх неизвестности. Терзания эти мучили Кирилла, пока он шел за присланным послушником. В конечном счете юноша решил: будь что будет. Это сразу успокоило его.

Глава 6

Келья, где проживал отец Николай, находилась на правой стороне соборной площади, рядом с кельями отца настоятеля. Крытое крыльцо с крутой лестницей вело в сени, за которыми была большая комната.

При подходе к келье послушник несколько раз кашлянул, чтобы предупредить о своем приближении. Затем он стал под окном, совершил крестное знамение и произнес слова молитвы: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». В оконце кельи показался отец Николай, который произнес «Аминь», затем поблагодарил послушника и отпустил его, а Кирилла пригласил в свою келью.

Келья отца Николая отличалась от кельи настоятеля, в которой уже побывал Кирилл. Отличие это заключалось в том, что на стенах висело богато украшенное оружие: сабли, пистолы, пищали, защитное вооружение. В остальном все было так же: иконы и крест в восточном углу, лавки вдоль стен, лежанка с подушкой и теплым одеялом, стол около окна, лохань, рукомойник с носиком, кувшин для воды и полотенце, висевшее около входа. Убранство кельи было сдержанным, без всякой роскоши – за исключением оружия, только самые необходимые вещи. Это была келья воина, готового ко всяческим испытаниям.

Войдя в келью, Кирилл, как его учили старцы, пал ниц перед отцом Николаем и попросил благословения: «Благослови, отец Николай, помяни меня в молитве своей к Богу». Недовольное выражение скользнуло по лицу хозяина кельи.

— Встань, брат мой, — он подал руку Кириллу и добавил. — Негоже воину лежать на полу. Надо всегда быть готовым к опасности.

— Отец Николай! — Кирилл вскочил с пола кельи и склонился перед хозяином кельи, не сдерживая своих эмоций. — Вы для меня стали вторым батюшкой! Если бы не Вы, не знаю, что было бы со мной!

— Такой молодец нигде бы не пропал. Рассказали мне, как разбросал ты недавно разбойников, что напали на тебя ночью. Признавайся, родной отец кое-чему научил тебя?

Кирилл покраснел от похвалы, но скромно ответил:

— Не смог я научиться всему в боевых искусствах, что знал отец. Да и занимался он со мной не так долго.

— Почему же он перестал заниматься с тобой?

— Отец воспринял смерть моей матушки как кару Божью за грехи. Он сильно после этого изменился, все свободное время проводил в молитвах. Говорил, что очень виновен перед Господом нашим Иисусом Христом и Богородицей.

— Сильный человек был, — отец Николай уважительно склонил голову. — Старцы много рассказывали о делах его ратных. Прости его грехи и упокой, Господь, душу его.

— Лучшая память об усопшем, — продолжил после паузы отец Николай, — продолжить его дело. Отец твой был одним из лучших защитников обители. Теперь твой черед стать на его место.

— Отец взял с меня обет, что я посвящу жизнь свою служению Богу, — смиренно склонив голову, ответил юноша. — Я должен его выполнить.

— Я вижу, что тебе самому не хочется похоронить себя в монастырской келье, — улыбнулся отец Николай. — Кто сказал тебе, что Господу нашему служат, только молясь ему? Есть много других богоугодных дел. Самое святое среди них – защищать свою Отчизну, свой народ, свою обитель.

Кирилл нерешительно посмотрел на своего собеседника. В душе его боролись два незримых собеседника. «Ты обещал своему батюшке, что будешь неустанно молиться за него» — внушал один из них. «Будь жив батюшка, он сам бы благословил тебя на ратный труд» —

возражал другой. «Служба Богу – самое главное дело любого человека» — настаивал первый. «Иди дорогой отца, посвети себя ратному делу» — отвечал второй.

Отец Николай молча наблюдал за внутренней борьбой, явственно отражающейся на лице юноши. Наконец он решил пустить в ход последний козырь.

— С благословения отца настоятеля твое послушание в Свиточной башне закончилось. Работал ты там добросовестно, проявил усердие и смиренность. Сегодня на вечерней службе священник совершит над тобой особый чин, чтобы Господь укрепил тебя в намерение стать монахом. После этого будешь проходить послушание под руководством старца Никодима. Жить будешь в его келье. А там Господь Бог укажет тебе путь...

Из кельи отца Николая Кирилл летел как на крыльях. Он еле смог дождаться повечерия, самой поздней вечерней службы. Наконец братия собралась в Успенском соборе. Священник по обыкновению начал: «Благословен Бог Наш», клирос пропел начальные молитвы, после которых братии раздали свечи. Клирос запел тропарь: «Яко посреде ученик своих прииде Спасе, мир дая им, приди к нам и спаси нас». Затем последовал тропарь храму и Богородице: «Молитвами, Господи, всех святых и Богородицы, твой мир даждь нам, и помилуй нас яко един щедр».

В храме наступила звенящая тишина. Кирилл вышел на середину храма, повернулся к Царским вратам и сотворил один поклон Царским вратам, другой – на левую сторону Северным вратам, третий – на правую сторону Южным вратам. Потом, повернувшись лицом к братии, поклонился клиросам и священнику. Тот, положив на его голову молитвослов, произнес: «Господу помолимся» и прочитал молитву, которая заканчивалась прошением к Богу о новом послушнике. Священник молился, чтобы Господь сохранил добрые намерения брата, защитил его от зависти и злобы, благословил все его дела и благие поступки. Во время чтения молитвы все монахи подходили к Кириллу и целовали его.

Завершилось повечерие благословением у раки основателя монастыря, которая находилась в одном из приделов собора. Подойдя по очереди к раке преподобного Кирилла, монахи творили три земных поклона с молитвою: «Прости мя, Отче святой преподобный, благослови и помолись о мне грешном», и прикладывались к раке. Отступив от нее, опять читали ту же молитву, клали земные поклоны и в молчании расходились по кельям.

Этой ночью Кирилл последний раз ночевал в Свиточной башне. Он долго не мог уснуть, находясь под впечатлением происшедшего. Наутро он собрал свои вещи и перешел в келью отца Никодима. Прежние товарищи по-разному восприняли его уход. Одни встретили эту новость равнодушно, другие – со злорадством, третьи искренне жалели о потере. Иначе и быть не могло, слишком разные люди собрались в Свиточной башне.

Отец Никодим приветливо встретил юношу. Первым делом он указал Кириллу его место, которое находилось в сенях. Узкая лавка вдоль дощатой стены должна была служить местом ночлега. Только в сильные холода разрешалось почитать в свободной комнате. Обязанности Кирилла были несложными: приносить дрова, щипать лучину, топить печь, старательно размешивая дрова, чтобы они горели весело. Когда дрова прогорали, надо было тщательно поворошить угли, чтобы не осталось головни. Кроме того, Кирилл должен был приносить воду и наливать её в рукомойник, выносить лохань и подметать в келье. Со всем этим юноша справлялся без проблем. Более восьми часов монахи и послушники находились в церкви за богослужением, около двух часов – за трапезой. Остальное время Кирилл под руководством своего наставника изучал Священное Писание, занимался рукоделием или молился. День был распisan по минутам, понятия отдыха в монастыре просто не существовало. Отец Никодим говорил юноше, что «истинному иноку нет на земле ни праздника, ни Пасхи. Пасха наступит тогда, когда он перейдет от суеты в вечный покой». Даже перед сном он давал юноше келейное молитвенное правило: творить двенадцать земных поклонов и сто раз прочитать Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Старец поучал Кирилла, что послушник должен изменить весь образ жизни – отказаться от мирских обычаев и только Бога Единого иметь в своих мыслях, полностью подчинившись монастырским порядкам. Смирение и послушание – это главные добродетели. Постепенно юноша сам утверждался в этих мыслях. Только встречи и короткие разговоры с отцом Николаем давали ему другую перспективу. Служение Богу – это не молитвы, а активная деятельность. Правда, отец Николай был очень занят подготовкой монастыря к возможному нападению интервентов, поэтому редко бывал на богослужении, да и в келью приходил только почивать поздно вечером.

Обстановка на северо-западе Руси все более обострялась. Летом 1612 года произошло первое столкновение интервентов с монахами монастыря. Отряд польско-литовских бандитов под командованием полковника Барышпольца захватил и разграбил Тихвин, в котором было подворье Кириллова монастыря. Монахи успели покинуть подворье, но иноземцы разграбили его и сожгли. Это событие показало приближение угрозы нападения на сам монастырь.

В этих условиях руководство монастыря принимало все возможные меры по укреплению обороны. Вспомнили и о Кирилле.

Отец Николай пригласил юношу к себе и сказал ему то, что тот давно ждал с начала послушания Кирилла у старца Никодима.

— Отец настоятель доволен тем, как ты проходишь свое послушание под руководством старца Никодима. Однако военная угроза монастырю все более усиливается. Теперь тебе дается следующее задание. Завтра ты поедешь в село Топорня, в наш боевой острог. Там тебя ждет инок Илья, начальник нашей боевой заставы. Под его руководством будешь постигать ратное искусство. Ты должен стать воином, способным стать на защиту своей обители. Не щади своих сил, живота своего. Это будет твое следующее и самое важное послушание.

Сердце Кирилла бешено забилося. Он будет воином! Скоро он будет защитником обители! Он будет сражаться с врагами, и конечно, победит их всех... Кирилл был одновременно горд тем, что он станет воином, и обижен тем, что отец Николай отсылает его из монастыря. Как будто прочитав его мысли, наставник подошел к нему, взял его за руку своей твердой рукой воина и сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Ты вернешься, только став настоящим мужчиной и воином, и я требую, чтобы ты мне в этом поклялся.

Потом уже мягче он добавил:

— Везде уже говорят, что враги все ближе и ближе к монастырю. Пока эти волки еще копят силы, но времени в нашем распоряжении остается все меньше. Скоро каждый боец пригодится. Что-то мне подсказывает, что у тебя будет особая миссия, что от тебя будет зависеть судьба монастыря...

— Почему вы так считаете?

— Я видел сон. А может, мне это почудилось...

Кирилл высоко поднял голову, прижал левую руку к груди:

— Вы слишком много для меня сделали, отец Николай, чтобы я обманул ваши ожидания.

Клянусь, что я стану воином.

Кирилл встал на колени, чтобы получить благословение своего наставника. Потом он простился со старцем Никодимом, завязал свои нехитрые пожитки в узелок, и отправился вдвоем еще с одним долговязым новобранцем в село Топорня. Их захватили с собой монастырские конюхи, которые должны были пригнать в монастырь лошадей с заливных шекнинских лугов. С начала пути новобранец, которого звали Петр, начал ныть о том, что воинская наука тяжела, ему не по плечу, да и призвания к ней у него нет. Кирилл старался не обращать внимания на эти причитания.

Примерно через два часа езды на телеге по лесной дороге путники добрались до места назначения. Село Топорня представляла из себя небольшую крепость из бревен, сложенную

на берегу реки Шексны в десяти верстах от обители, и десяток изб монастырских крестьян. У ворот крепости монастырский обоз встречал монах в кольчуге, надетой поверх рясы, и шлеме-пишаке на голове. Кирилл с радостью узнал в нем человека, пришедшего ему на помощь в Горицах.

— Здравствуйте, братья! – обратился монах к приезжим. — Как добрались, не шалили ли где разбойнички?

Присмотревшись к Кириллу, он улыбнулся и широко раскрыл объятия.

— И ты здесь, юнец. Это, значит, тебя просил научить всему, что я знаю в ратном деле, уважаемый отец Николай. Только на этот раз никуда не сбегай. Вот и товарищ у тебя есть хороший.

— Отец Илья, — жалобно запел долговязый спутник Кирилла. – Ради Бога, отпустите меня к маменьке. Я к ратным наукам не приучен, да и умирать мне ещё рано.

— Рожденный зайцем орлом стать не может, — презрительно поглядев на того, сказал инок. — Если нет куража, так из человека воина сделать нельзя. Будешь прислуживать на кухне...

Курс молодого бойца Кириллу пришлось проходить одному. В первый же день его подняли рано утром и заставили делать зарядку: размахивать руками, приседать, прыгать и бегать. Затем инок Илья помог юноше одеть на себя защитное вооружение: кольчугу, шлем с острым навершием, вручил ему саблю и стал осыпать его ударами простой палки. Кирилл должен был отбиться при помощи сабли от нападения, но ничего у него не получалось. Удары сыпались так быстро и так неожиданно с разных сторон, что не разу юноше не удалось отбить их своим оружием. Количество же шишек и ссадин все росло и росло. Наконец Илья сжалился над новобранцем и опустил палку.

— Видишь, насколько умелый воин с палкой сильнее неумехи с саблей. От ратного умения зависит твоя жизнь и жизнь тех, кого ты защищаешь.

— Отец Илья, — тяжело дыша и потирая ушибы, ответил юноша, — я готов на все, лишь бы стать похожим на вас.

Надо отметить, что отец Кирилла твердо считал, что его сын должен расти настоящим мужчиной, умеющим при случае защитить себя и своих близких. Особенно утвердился он в этом после смерти своей жены, уверенный в том, что опасность сохраняется для их сына. Поэтому, как только Кириллу исполнилось десять лет, он начал обучать его воинскому мастерству. Вначале это было фехтование на саблях, стрельба из лука и метание дротиков. Затем постепенно в программу вошло обучение владением бердышом и копьем, а затем и стрельба из пищали и кремниевого пистоля. Конечно, все это заложило лишь фундамент для того, чтобы в умелых руках опытного наставника юноша стал полноценным воином.

Вначале Кириллу было очень тяжело, не хватало сил и умений. Однако уже через два месяца все изменилось самым удивительным способом. За это время Кирилл прошел под руководством отца Ильи своеобразный курс ратного мастерства. Он учился выполнять команды, владеть мечом, саблей и пистолетом, стрелять из пищали и орудовать копьем, метко поражать цель стрелой из лука, бегать и прыгать в тяжелой кольчуге. Вечером Кирилл еле добирался до лавки, на которой спал, но рано утром уже был готов к новым занятиям. Постепенно свиная усталость уходила, тело становилось все послушнее и наливалось силой. За это время выпал первый снег, однако это обстоятельство несколько не мешало ратным упражнениям. Через неделю ратных занятий Кирилл получил от своего мучителя разрешение сесть на вороного жеребца по кличке Воронок. С детства приученный в деревне к верховой езде, юноша быстро нашел общий язык со своим новым другом. Глядя на усердие Кирилла в ратных делах и то, как он уверенно держится в седле, наставник юноши становился с каждым днем все более довольным.

Наконец настал день последнего испытания. Едва взошло солнце, Кирилл уже был на ногах. На берегу Шексны его ждал инок Илья, держа в руках две сабли. Одну из них он протянул юноше, второй вооружился сам.

— Бьемся по-настоящему! – тон, которым произнес эти слова инок, не оставляли сомнений в серьезности предстоящего испытания.

Взмах рукой, и вот уже обе сабли сшибаются, сверкнув в лучах восходящего осеннего солнца. Удар инока юноша отбил и сам перешел в наступление. От удара по сабле противника полетели искры. Шаг вперед, в сторону. Снова звенят клинки. Инок ищет прорехи в защите своего ученика. Но тот хорошо чувствует расстояние до противника, вовремя отбивает все удары и сам ждет момент для нападения. Вот только дыхание у него тяжеловато, выдержит ли юноша длительный бой?

Снова лязг оружия, Илья чуть отступает, потом прыгает вперед. Клинок его сабли мелькает перед самыми глазами юноши, едва не задевая ухо. Нырок в сторону, рука Кирилла делает стремительное движение, и на штанине Ильи появляется темное пятнышко.

Илья сделал шаг вперед, удовлетворенно кивая своей головой.

— Хороший удар, в настоящем бою противник уже лежал бы на земле. Но сам голову не бережешь, идешь под удар сбоку. Надо сначала подумать о защите, а потом наносить самому удар.

И вновь звенят клинки, и снова удар сыплется за ударом. Через полчаса Кирилл взмок от напряжения, на левом предплечье, на левом колене появились небольшие порезы от сабельных ударов. Но он теснит уже своего учителя, осыпая того градом ударов и вынуждая отступать. Сознание превратилось в идеальное зеркало, отражающее действия противника, и дающее автоматические команды на выполнение тех или иных приемов. Откуда-то из подсознания выплывают ратные навыки и умения, накопленные предыдущими поколениями и ждущие своего часа.

— Стоп! К бою на саблях ты готов! Посмотрим, как дела с остальными ратными делами.

После боя на саблях метали ножи в цель. Илья был доволен – Кирилл метал ножи с двух рук. После боролись, выйдя на прибрежный песок. Здесь тоже все было здорово, приемы борьбы Кирилл знает, вот только веса пока не хватает. Но Илья и здесь не расстраивался, были бы кости, а мясо нарастет.

В стрельбе из пищали, пистоля и лука юноша поразил только половину мишеней. Но инок был доволен и этим. Кто-кто, а уж он точно знал, что для начинающего воина это хороший результат. Ведь в стрельбе надо тренироваться постоянно, и успех проходит после нескольких лет упорных тренировок. В заключении Кирилл сел на своего коня и на всем скаку срубил несколько веток ивняка, поставленных вертикально. Воронок во всем слушался своего хозяина.

— Молодец! — сдержанно похвалил своего ученика инок. – Теперь у обители появился еще один надежный защитник.

Кирилл от радости запрыгал на берегу. Затем, скинув одежду, бросился в холодные речные воды. Глубоко нырнув, юноша чуть не задохнулся от холода, ведь уже наступила осень. Но несколько энергичных гребков привели его в чувство. Родная река качала его на своих волнах, унося стремительным течением вниз. Кирилл мощными движениями преодолевал движение речных струй, боролся с течением. Все тело согрелось, мышцы готовы были работать без остановок. Радость жизни переполняла юношу. Выйдя из реки, он уже не чувствовал холода. Инок Илья только улыбался, наблюдая за поведением юноши.

После обеда Кирилл начал собираться в дорогу. Надо было возвращаться в монастырь. Инок Илья с печалью смотрел на сборы своего ученика. Когда настала пора прощаться, он протянул Кириллу тяжелый сверток.

— Я хотел бы, чтобы мой отряд состоял из таких бойцов, — сказал он Кириллу. — Тогда нам были бы не страшны отряды поляков и литовцев, что идут к нам. Жаль, что таких бойцов мало. Надеюсь, что ты будешь достойным своего отца. Возьми от меня в подарок саблю и пару метательных кинжалов. В свое время мне их подарил твой отец, когда уходил из монастыря.

Кирилл горячо поблагодарил своего учителя и развернул сверток. В нем лежала изогнутая сабля в сафьяновых ножнах и два метательных кинжала, все оружие благородно поблескивало вороненым рисунком. Здесь же лежал прочный и широкий кожаный пояс с креплениями.

Немногие бы узнали в уверенно сидевшем на вороном коне послушнике того юношу из Раменья, что пришел вместе с богомольцами совсем недавно в Кириллов монастырь. На голове у него была суконная шапка, на ногах – кожаные сапоги. Одетый в черную рясу и суконные штаны, перепопоясанный поясом, на котором крепился целый арсенал, Кирилл твердой рукой направлял своего коня по дороге к монастырю.

За несколько верст до монастыря Кириллу стали попадаться крестьянские повозки, на которых были мешки и какой-то скарб. Сверху на повозках сидели дети, крестьяне и их жены шли рядом. Кое-где за повозками шагали привязанные к ним коровы, козы, овцы. Чем ближе к монастырю, тем полноводнее становилась людская река.

Вначале Кирилл подумал, что крестьяне идут в Кириллов на ярмарку. Однако общая гнетущая обстановка, плач детей и крики взрослых заставили его изменить свое мнение. Решив выяснить обстановку, он спешился, взял свою лошадь под уздцы и спросил сидевшего на обочине пожилого крестьянина:

— Отец, что случилось? Куда эти люди идут? Ведь ярмарка еще не скоро откроется?

— Разве ты, мил человек, не знаешь, что поляки да литовцы проклятые напали на Белозерск, разорили и разграбили его. Вот народ и пробирается под защиту монастыря. Святой Кирилл не оставит нас в беде.

— На кого дома свои оставили? – Кирилл вопросительно посмотрел на собеседника. — Чем кормить скотину будете?

Крестьянин печально покачал головой. В разговор вмешалась пожилая женщина, сидевшая рядом с ним, видимо, его жена.

— Разорение и голод ждут нас. Налетчики лютуют, как звери, грабят все подряд, даже малых деток не щадят.

Крестьянин махнул рукой и горько продолжил:

— Отвернулся Господь Бог от Руси... Вот и насылает на нас испытания. Да еще царь батюшка нас покинул. В Москве–то, говорят, то самозванец на троне сидел, то какой-то боярин Шуйский. А сейчас вроде поляк Владислав на русский трон забрался.

— Не видать нам покоя, пока поляков не выгоним из страны, — продолжила слова крестьянина его жена.

— Или пока всех их не уничтожим, — подхватил ее мысль крестьянин.

Кирилл молча слушал своих собеседников, но в душе его бушевал огонь сомнений. Разве Господь Бог не поможет русским людям, не защитит их от всех напастей? Может, надо молиться горячее, убежденнее, тогда спасение придет? Или прав отец Николай, надо готовиться к борьбе, с оружием защитить свой народ?

— Спасибо, добрые люди, за слова ваши. Увидимся в монастыре, вместе защищать будем святыню нашу.

Кирилл вскочил на своего Воронка и поспешил дальше. Чем ближе приближался он к обители, тем больше беженцев было на дороге. Порой они затрудняли движение всадника, но юноша не роптал на это. Он сочувственно относился к людям, бросившим все нажитое и стремившимся под защиту монастырских стен.

Вдруг со стороны обители, за крутым поворотом дороги раздались крики, ругань и звуки ударов хлыстом. Кто-то пробивался сквозь человеческую толпу. Вскоре на дороге показалась

странная процессия: впереди два вооруженных всадника разгоняли ударами хлыста беженцев, нещадно при этом ругаясь, затем двое лошадей везли богато украшенную карету, в окне которой виднелось бледное и высокомерное лицо пожилого монаха, одетого в богатые церковные одежды. За каретой следовало еще двое вооруженных всадников. Бесцеремонно разгоняя толпу, эта процессия вскоре поравнялась с Кириллом.

— Давай проваливай с дороги, — заорал один из передних воинов. — Не видишь, что ли, старец Александр едет.

Это задело Кирилла за живое. Он остановился, спешился и схватил за уздцы лошадь грубияна.

— Осторожней, как бы не обжечься. — Юноша как бы невзначай положил руку на рукоятку сабли. — Ты что это людей стегаешь хлыстом, как скот?

— Ах ты! — грубиян замахнулся хлыстом, намереваясь обрушить его на голову юноши. Тот ловко выхватил из руки грубияна хлыст и хлестнул им круп лошади своего противника. Лошадь взвилась на дыбы, сидевший на ней всадник, судорожно хватая рукой воздух, обрушился на землю.

Всадники, сопровождавшие карету, как по команде выхватили сабли. Кирилл сделал то же самое, готовясь отразить нападение. Однако его не последовало. Поглядев по сторонам, Кирилл понял, почему они не отважились напасть на него. Их окружала толпа крестьян, в руках у которых были вилы, колья, топоры, причем все это было направлено на его противников. Выражение лиц крестьян не вызывало сомнений, на кого они собираются нападать в случае необходимости. Видимо, это поняли противники юноши. Бормоча себе под нос ругательства, они продолжили свой путь, но уже без криков и ударов хлыстом. При этом монах, сидевший в карете, не проронил ни слова. Правда, выражение его глаз не понравилось Кириллу. Он понял, что нажил себе еще одного врага.

— Мил человек, спасибо за то, что заступился за нас, — благодарно сказал юноше один из крестьян. — Это старец Александр со свитой. Страшный человек, обид никому не прощает. Берегись его.

Юноша вскочил в седло и тронул поводья. Воронок, понимавший своего хозяина без слов, осторожно вышагивал меж крестьянских повозок. Только когда представилась такая возможность, конь, повинувшись своему хозяину, перешел на рысь.

Наконец открылась панорама монастырских строений: высокие башни, мощные стены, силуэты храмов и церквей за ними. Кирилл увидел множество фигурок людей, которые, как муравьи, копошились на стенах обители и под ними, подновляя крепостные стены, очищая рвы, насыпая валы. Это монахи, послушники, монастырские слуги и крестьяне готовили защитные сооружения к предстоящей осаде. Среди них выделялись своими красными кафтанами стрельцы, две сотни которых еще летом прибыли по просьбе настоятеля в монастырь из Вологды. Желание оказаться среди этих людей, сделать что-нибудь для защиты монастыря заставляло Кирилла еще больше спешить. Одно сомнение мучило его, сможет ли он быть полезным, ведь у него нет ратного опыта?

Копыта лошади застучали по деревянному настилу посадской улицы, ведущей к Святым воротам монастыря. С правой стороны от Святых ворот велось строительство деревянного острога, призванного прикрыть слабые стены Ивановского монастыря. Среди штабелей кирпича, гор земли и бочек с известью, в центре ведущейся стройки стояла небольшая группа людей. Кирилл увидел в ней отца Николая, держащего в руке чертеж и что-то объясняющего мастеровым людям. Сердце юноши радостно забило. Он мигом слетел с коня, бросил поводья и бегом бросился к своему наставнику.

— Здравствуйте, отец Николай, — юноша упал перед монахом на колени, схватил его руку и прижал её к губам. — Как я рад вас видеть!

— Здравствуй, брат Кирилл. Ты обещал мне стать воином, а бросаешься на колени. Стань немедленно!

Передав чертеж одному из работников, отец Николай поднял Кирилла с коленей и обнял его. Потом отошел на шаг и стал рассматривать юношу.

— Так, ты возмужал и окреп. А что это за арсенал висит на твоём ремне?

— Это инок Илья подарил мне при расставании. Говорит, что эта сабля и кинжалы раньше принадлежали моему отцу. Я уже чуть было не пустил их в ход, когда ехал сюда.

Кирилл рассказал отцу Николаю о стычке на дороге, о том, как вели себя с беженцами слуги старца Александра. Отец Николай понизил голос, чтобы его не слышали работные люди, и сказал:

— Старец Александр был раньше настоятелем подворья Кириллова монастыря в Москве. Когда началась смута, он прихватил с подворья казну и приехал в монастырь. Здесь он стал жить не по монастырскому чину: не ходил в церковь, пил хмельные напитки со своими слугами, лаял бранными словами отца настоятеля и соборных старцев, братию бил плетьюми и сажал на цепь. Сейчас построил себе пустынь в Сандырево, ведет себя как разбойник, из монастырских сел хлеб себе забирает, путников грабит. Наш отец настоятель не хочет ему перечить, вот он и ведет себя так вольготно.

— Разве ничего с ним поделаться нельзя? – воскликнул Кирилл. – Он и его слуги ведут себя хуже басурман.

— Сейчас не до них, — брезгливо поморщился отец Николай. Вот покончим с поляками, дойдет очередь и до старца... Слышал, что поляки разграбили Белозерск? Он от нас на расстоянии сорока верст. Значит, скоро и нам ждать их. Многого еще не сделано, многое еще к осаде не готово. Будешь помогать мне в подготовке крепости к осаде. Это и будет твое очередное послушание.

Глава 7

Очередное послушание Кирилла заключалось в том, что он стал правой рукой отца Николая по подготовке крепости к обороне. Отец Николай решал в этот период много задач одновременно: руководил ремонтом стен и строительством нового острога, переоборудованием Святых, Водяных и Конюшенных ворот Успенского монастыря для артиллерийского боя, закупкой, изготовлением и ремонтом оружия, отливкой медных и железных пушек. Надо было везде успеть. С утра отец Николай шел в кузницу, где отливали новые пушки и ремонтировали пищали и самопалы (казначей монастыря брат Конон купил в Архангельске в целях экономии пищали без лож). Затем он забирался на крепостные стены, где велись ремонтные работы, принимал холодное оружие, изготовленное в монастырских селах, руководил закупкой ядер, дрови и пороха. Много времени приходилось уделять руководству стрельцами, которых нанял монастырь для своей обороны. И хотя стрелецким отрядом руководил толковый начальник стрелецкий голова Семен Вандобольский, хлопот с ними хватало. То стрельцам жалования было мало, то провизии не хватало, то оружие было неисправно. Каждая минута отца Николая была расписана с утра до позднего вечера. Там, куда он не успевал сам, посылались его помощники. Одним из таких помощников и стал Кирилл. Ему определили место для ночлега в келье послушников, но туда он приходил только для того, чтобы поспать, все время с утра до вечера было занято выполнением тех или иных поручений своего наставника.

В тот осенний день отец Николай занимался руководством строительства нового острога справа от Святых ворот. Когда-то там находился деревянный острог, но задолго до описываемых событий за ненадобностью его разобрали на дрова. Теперь пришлось его срочно восстанавливать, но строительных чертежей не было. Поэтому Кирилл был послан своим наставником в монастырскую библиотеку поискать какие-нибудь сведения о разобранном остроге.

В библиотеке монастыря было очень тихо. Казалось, что все звуки поглощались древними фолиантами, стоящими на длинных полках. За столом у окна сидел толстый монах в черной вытертой мантии – длинной, без рукавов, накидке с застежкой на ворота, спускающейся до земли и покрывающей собой рясу. На голове у него была скуфия – мягкая шапочка, складки которой образовывали над головой знамение креста. На столе лежала книга, на правой странице которой была изображена схема солнечной системы, а на левой – текст и какой-то сложный чертеж. Качая головой, монах пробегал глазами страницы книги. Со стороны казалось, что он одновременно читал сразу обе страницы: левым глазом – левую, правым – правую.

Кирилл не сразу отважился побеспокоить такого важного человека. Он кашлянул, и только после этого подал голос:

— Здравствуйте, отец Ефросин.

Монах отодвинул книгу и перевел взгляд на Кирилла.

— Здравствуй и ты, брат мой, — привычным движением он поднял руку и осенил Кирилла крестным знамением. — Зачем пожаловал сюда?

— Меня послал отец Николай, — робко ответил Кирилл. — Он просил поискать сведения о старом остроге, стоявшем у Святых ворот. Еще он сказал, что только Вы знаете, где эти сведения могут быть.

В глазах у отца Ефросина мелькнул какой-то тайный огонек, но внешне он ничем не выдал своего удовольствия от просьбы отца Николая.

— Ну вот, и книжный червь пригодился Пойдем в тайную каморку, поглядим старинные чертежи....

Он открыл обитую железом дверь в глубине библиотеки и скрылся за ней. Кирилл терпеливо ждал монаха минут пятнадцать. Не раз у него появлялась мысль сбежать из библиотеки,

но это было бы невежливо по отношению к наставнику. По столу, за которым только что сидел монах, ползала большая черная муха.

Монах вернулся с толстым томом, ужасно древним с виду. По комнате поплыл запах плесени и тронутой тлением кожи.

— Смотри, — проговорил монах. — Это труды мастера Василия Михея, руководившего строительством башен и стен монастыря много лет тому назад. Полистай их, может, и найдешь чертеж острога. Славный был мастер, да забыли о нем. . . .

Страницы книги были сделаны из тонкой кожи – пергамента. На них находились чертежи, расчеты, записи на старославянском языке. Перелистывая страницу за страницей, Кирилл погружался в то далекое время, когда опасности угрожали обитатели со всех сторон. Однако нигде не было даже и намеков на существование острога.

Когда минуло три часа и раздалось три удара в колокол – призыв братии к обедне, Кирилл закрыл и отодвинул от себя книгу.

— Нет тут чертежей острога, — вздохнул он. — Простите, отец Ефросин, что оторвал от дел ваших.

— Бог простит, — отозвался тот. — Пора к обедне идти.

Он поднялся, взял у Кирилла книгу и скрылся с нею за таинственной дверью. Тут как будто бес толкнул Кирилла в ребро. Он хлопнул дверью, как будто вышел из библиотеки, а сам спрятался под стол, стоявший в дальнем углу комнаты. Полумрак, царивший там, скрыл фигуру Кирилла от чужих глаз.

Через пару минут отец Ефросин вышел из таинственной двери, осмотрелся вокруг, довольно хмыкнул и покинул библиотеку. В двери, через которую он удалился, проскрежетал ключ, закрывающий замок.

Кирилл выбрался из-под стола, огляделся вокруг. В полумраке библиотеки он увидел на одном из столов массивный подсвечник с толстой свечой, рядом с ним кресало. Вскоре свеча горела тусклым, но ровным пламенем. Взяв ее в руку, Кирилл приблизился к таинственной двери и с замиранием сердца открыл ее.

За дверью оказался коридор из кирпича. Кирилл осторожно пошел по нему, держа в руке подсвечник. Свет от свечи еле пробивался сквозь облако пыли. Через несколько шагов коридор раздвоился, пещеры шли направо и налево. Кирилл решительно свернул направо, и на этом пути его ожидали новые повороты. Не раздумывая, юноша свернул сначала в один из них, затем в другой, и скоро совсем запутался, стараясь сосчитать повороты. Кто и с какой целью устроил под монастырем этот лабиринт? Говорили, что начало этому подземному строительству положил сам преподобный Кирилл, выкопав в Ивановской горке пещеру и обитая в ней несколько лет.

В конце очередного закоулка находилась дубовая дверь, на ней – восьмиконечный крест. Она была закрыта на внутренний замок. Кирилл подергал за ручку двери, однако она не открывалась. И тут на юношу как будто снизошло озарение. Почему нужно поступить именно так, он не знал, но повинувшись какой-то внутренней команде, Кирилл схватился за верхний и нижний концы креста и повернул крест по ходу движения солнца. Заскрежетал тайный механизм, дверь медленно открылась.

Шагнув через порог двери, Кирилл очутился на верхней ступени лестницы, ведущей еще ниже. Тусклый свет свечи озарял лишь верхние ступени и не мог пробиться дальше, в черную мглу, окутывающую все внизу. В этой черной мгле было что-то угрожающее.

Медленно спускаясь по лестнице, юноша старался рассмотреть помещение, в котором находился. Однако темнота неохотно выдавала свои секреты. Наконец лестница закончилась, под ногами был каменный пол. Оглядевшись, Кирилл обнаружил, что он находился в небольшом зале. Впереди виднелось возвышение с каким-то предметом на нем, а за возвышением тяжелая дверь из дубовых досок. С четырех сторон возвышение окружали небольшие колонны,

на вершинах которых находились факелы из смолистой сосны. Кирилл уже хотел поднести свечу к этим факелам и зажечь их, однако в голове его безмолвно раздался крик: «Не делай этого!». В мерцающем свете, исходящем от свечи, Кириллу удалось рассмотреть посох высотой примерно по грудь ему, находящийся в углублении на возвышении. Посох был изготовлен из золота и увенчан рукояткой в виде головы медведя.

Кирилл поднес свечу ближе к посоху и замер на месте. Золото посоха переливалось бликами под светом свечи. Кирилл устремил свой взгляд в глаза медведя, чувствуя, что он погружается в какую-то бездну. Эти глаза казались живыми, они о чем-то спрашивали и просили юношу. Сколько времени продолжался этот безмолвный разговор, о чем он был — Кирилл так и не смог позднее вспомнить. То ли минуту, то ли час, то ли несколько часов... Время пролетело как одно мгновение.

Внезапно со стороны лестницы донеслись голоса. Невидимые собеседники, найдя дверь, приглушенно вели какой-то спор. До слуха Кирилла доносились лишь отрывки фраз:

— Не мог он... Посох Велеса обладает волшебной силой, он может убить любого, кто приблизится к нему...

Кирилл узнал голос монаха Ефросина, голос его собеседника был незнаком Кириллу. Оба собеседника были чем-то встревожены. Загремели ключи, дверь кто-то открывал. Надо было искать пути к спасению. Если бы монахи обнаружили Кирилла здесь, в столь тщательно скрываемом месте, неприятностей было бы не избежать. Юноша отошел от посоха на возвышении и стал осматривать стены подземного хранилища, используя горящую свечу. Слева на небольшой высоте от пола, на стыке двух камней пламя свечи отклонилось в сторону. Внимательно присмотревшись, Кирилл заметил небольшое углубление в стене, куда свободно могла войти ладонь. Пальцы ладони уперлись в рычаг, который с трудом, но поворачивался против движения солнца. Повинуясь невидимому механизму, часть стены стала отходить в сторону, открывая низкий проход. Не мешкая, наш герой нырнул в него и очутился в коридоре, ведущем наверх. За его спиной вновь выросла стена, закрывшая проход.

Свеча уже наполовину сгорела, надо было скорее искать выход. Поэтому Кирилл решительно двинулся по коридору. В отличие от предыдущих коридоров, извилистых и запутанных, этот был прямым и ведущим вверх. В подземелье было тихо, воздух отдавал плесенью, но дышать можно было полной грудью. Примерно минут через десять дорогу преградила дверь, закрытая на тяжелый засов. За дверью было тихо. Решение пришло как бы само собой. Кирилл изо всех сил навалился на засов и с трудом открыл его. Со скрипом дверь отворилась, за ней взгляду открылось помещение, от потолка до пола заваленное бревнами, досками, строительным мусором. Лишь наверху была небольшая щель, сквозь которую можно было протиснуться к выходу. Боясь запачкать свою верхнюю одежду, Кирилл снял её, свернул в узел и полез через эту щель к выходу. Он очутился в небольшом подвале с дубовой дверью. Облачившись в свою одежду и тщательно отряхнув её, Кирилл взялся за дверную ручку и потянул её на себя. За дверью оказалось помещение подклета мощного здания, из которого Кирилл вышел на улицу. Оглядевшись, он узнал территорию Малого, Ивановского монастыря. Здание же, из подклета которого он вышел, было трапезной церковью Сергия Радонежского. Юноша вспомнил рассказ послушника Михаила о том, что Малый монастырь обособился при Иване Грозном, который останавливался здесь, когда приезжал на богомолье, а перед смертью подстригся в монахи Кириллова монастыря. Примерно в это время, видимо, был сделан и этот подземный ход.

В памяти всплыли слова «посох Велеса», о котором говорили монах Ефросин и его неведомый собеседник. О языческом божестве Велесе говорила девушка Вега, которую он спас от поляков на реке Шексне. Символ Велеса на обереге, который он носил на груди с того памятного дня. Что это такое? Неужели на какую-то тщательно охраняемую тайну наткнулся Кирилл, блуждая по подземельям? Какая волшебная сила заключена в этом посохе, какую тайну он

охраняет, за раскрытие который он может убить непрошенных посетителей пещеры. Почему же тогда он не убил юношу? Кирилл почувствовал, что эти тайны ему очень важно раскрыть

Сколько же сейчас времени? На колокольне в Большом Успенском монастыре ударили пять раз в колокол. Значит, целых два часа продолжалось подземное путешествие, и сейчас его ищет отец Николай, да и библиотекаря отцу Ефросину не мешает показаться. Кирилл еще раз оглянулся на церковь Сергия Радонежского, перекрестился и направился для доклада к отцу Николаю. О том, что видел, он решил никому не говорить.

ЧАСТЬ 2. Мария и Кирилл (1612. Ноябрь – декабрь)

Глава 8

На следующий день к обедне Кирилл уже выполнил несколько поручений своего наставника. С утра он занимался размещением беженцев на Гостином дворе, затем успел побывать в кузнице, где отливали большую медную фунтовую пушку. Кузнецы с юмором называли её Порывай. Затем побывал на берегу Сиверского озера, где монастырские работники устанавливали частокол из бревен. Проходя мимо Свиточной башни, юноша не удержался и заглянул на рабочий двор. Как и раньше, там стояли котлы, под которыми горел огонь. Работы свиточным служкам добавилось, ведь в монастыре находилось немало беженцев, которых тоже надо было обстирывать.

— Привет, начальник, — услышал Кирилл возглас одного из трудников. — Помочь нам не хочешь?

Приглядевшись, Кирилл узнал Ермолая, который раньше был старшим в Свиточной башне.

— Привет, Ермолай! – юноша подошел ближе к кострам. – За что тебя разжаловали из старших?

— Хотел сбежать на Кудыкину гору, да не получилось. Наложили на меня епитимию: месяц сухоядения и сто земных поклонов каждый вечер перед сном.

— Где же находится эта Кудыкина гора, до которой ты не добежал?

Ермолай хитро прищурился и ответил:

— То Кабацкая горка, что на Обшаре. Там и тебя хорошо знают. Девушка одна в кабаке про тебя все выпрашивала – где ты да что с тобой?

В груди у Кирилла гулко забилось сердце. Уж не Мария ли его вспоминала? Он покраснел и, стараясь внешне оставаться равнодушным, спросил:

— Может, она просила передать мне что-нибудь?

— Нет, но я вижу, — Ермолай заметил смущение юноши, — что тебе эта красавица тоже не безразлична. Если можешь, помоги ей. Тяжело красавице там приходится, кабатчик её все время гоняет. Ну бывай, работать надо.

С мыслями о Марии Кирилл стоял на обедне, потом сидел на трапезе. Во время трапезы, как обычно, все сидели молча и внимательно слушали чтеца, который по благословиению отца настоятеля читал жития святых. На столах стояла уха из шекснинской стерляди, щи с борщом (квашеной свеклой), свежая жареная рыба, лапша гороховая, пироги двух видов: одни – с визигой, другие – с солеными грибами. В глиняных кувшинах ожидал своей очереди хлебный квас. Кирилл все эти кушанья проглотил, даже не ощущая вкуса пищи. В конце обеда старый знакомый трапезник дядя Семен подошел к юноше и предложил добавку. В этом случае полагалось тихо и смиренно отвечать: «Божия воля, господине, и твоя!». Однако Кирилл настолько был погружен в мысли о девушке, что не услышал предложения трапезника. Тот постоял около юноши и молча удалился. Только после этого Кирилл спохватился, что напрасно обидел своего друга, так часто помогавшему ему. Однако из-за стола нельзя было вставать до заключительной молитвы. Наконец чтец прекратил чтение жития святых, отец настоятель встал и прочитал благодарственную молитву: «Благословен Бог, милуя и питая нас от своих богатых даров, Своею благодатью и человеколюбием всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». Братия дружно ответила: «Аминь». Затем отец настоятель поблагодарил служебников за трапезу: «Бог простит и помилует послуживших нам». Только после этого монахи и послушники поклонились настоятелю и получили возможность покинуть трапезную.

Кирилл зашел в чулан трапезной, однако дядю Семена там не обнаружил. С чувством досады и горечи покинул он здание трапезной, решив позднее извиниться за свой проступок.

После обеда Кирилла срочно затребовали к отцу Николаю. Тот поручил юноше сходить в монастырскую слободу, найти на Сенной площади купца Колю Балычина и узнать у того, где заказанная монастырем сбруя для лошадей. Монастырская слобода широко обступила монастырь, в ней жили тысячи жителей. К деревянным домам прилегали большие усадьбы с рублеными сараями и амбарами, банями. На улицы и площади выходили лабазы купцов, мастерские резчиков по дереву, гончаров, столяров, кожевников, на всю округу дымили кузни. Нелегко было найти в этом лабиринте нужный дом, Кириллу это удалось далеко не сразу. Ладная усадьба Балычиных стояла в самом конце площади, там, где начиналась дорога на Ферапонтов монастырь. Хозяйка приветливо встретила молодого послушника, но указать точно, где её муж, не смогла. Вроде бы он пошел на Долгое озеро к рыбакам за рыбой. Туда и направился Кирилл.

В далекие времена огромный ледник, как умелый крестьянин, вспахал окрестные земли. Остались огромные впадины, постепенно заполнившиеся водой. Именно так образовалось Долгое озеро. Сравнительно узкое, но протянувшееся на три версты, оно было богато рыбой. Несколько островов в начале придавали озеру живописный вид. Воды озера через речку Свиягу соединялись с Сиверским озером. В этом году лед на реках и озерах появился раньше обычного, уже в начале октября.

На Долгом озере бригада рыбаков вытягивала с помощью специальных барабанов тяжелый невод из прорубленной во льду полыньи. Один из них посоветовал юноше поискать купца на другом берегу, и даже показал тропинку по льду, ведущую туда. Тропинка петляла по извилистому берегу озера, на котором засыпанные снегом поля чередовались с перелесками, кое-где стояли избушки рыбаков и охотников, вдали виднелись избы Обшары. В октябре день короток, вскоре начало смеркаться. Кирилл шел по тропке, снег скрипел под его сапогами. Вокруг было так тихо и таинственно, что чудилось юноше, будто находится он в ангельском саду. Только мысли его были о Марии. Ему казалось, что весь мир принадлежит ему, и в этом мире было место для любви. Да, для любви, иначе он не мог назвать те чувства, которые переполняли его. В нем все больше усиливалась уверенность в том, что они встретятся.

Он так напряженно думал об этом, что, увидев бегущую вдоль берега реки девушку, решил, что это дьявольское наваждение. Рука сама собой сотворила крестное знамение, губы шептали «Свят, свят, чур меня». Но наваждение не исчезало. Это на самом деле была Мария, но в каком виде!

Платок был сбит на плечи, распустившиеся густые волосы покрывали всю спину и развевались на бегу, шубейка была порвана, будто ее трепали собаки. Она не кричала и не плакала, но весь её вид выражал страх. Девушку преследовал какой-то мужчина, причем видно было, что он постепенно догонял её.

Заметив Кирилла, этот мужчина закричал:

— Задержи же её, черт возьми! Слышишь? Она воровка, украла у меня деньги!..

Но Кирилл не собирался ничего делать. Напротив, когда задыхавшаяся девушка из последних сил пробежала мимо, он сделал шаг с тропинки, чтобы не мешать ей, а потом обратно ступил на прежнее место. Мария, явно не узнавая Кирилла, прошептала из последних сил:

— Помогите!.. Ради Бога, помогите!..

Через несколько шагов она рухнула без сил на снег. Её преследователь радостно завопил:

— Попалась! Сейчас я разберусь с тобой!..

Однако на пути преследователя вырос Кирилл. Он выставил вперед правую ногу и перенес на неё центр тяжести тела, готовясь к схватке. Вглядываясь в преследователя девушки, быстро приближавшегося к нему, юноша узнал Ефима. Да, того самого Ефима, который с друзьями пытался убить его месяц назад у Свиточной башни.

Подбежав к юноше, Ефим замахал кулаками и попытался напугать и вывести Кирилла из себя.

— Прочь с дороги, бродяга! – заорал он, брызгая слюнями и обдавая юношу запахом гнилых зубов. – Ты не знаешь, кому стал поперек дороги. Я тебя в порошок сотру!

— Ну что же, попробуй, — дерзко ответил ему Кирилл, насмехаясь. – Если тебе тропинка узка, обойди меня.

— Я хожу там, где хочу, — крикнул Ефим, бросаясь на юношу. В руке у него блеснул кастет, опасное оружие разбойников и лихих людей.

Уроки отца и недели, проведенные у инока Ильи, не прошли для Кирилла даром. Правда, сабля и кинжалы, подаренные ему, остались в монастырской келье, но сознание того, что он бьется за честь любимой девушки, помогли в этой схватке.

Схватка оказалась скоротечной. Кирилл работал кулаками так, как будто только этим всю жизнь и занимался. Уклонившись от удара кастетом, юноша нанес своему противнику несколько точных ударов в область солнечного сплетения. Ефим согнулся от боли и открыл сопернику свой подбородок. Кирилл воспользовался этим и нанес удар ногой, повергший его противника наземь. Тот пытался встать, но смог только приподняться на руках и снова рухнул на землю.

— Полежи, Ефим, — насмешливо крикнул ему юноша. – Отдохни перед дорогой в ад. Видно, скоро она тебе предстоит.

Ефим вновь приподнялся, взгляделся в Кирилла. Его лицо исказила гримаса ненависти.

— Опять этот приبلудный, — прошипел Ефим. – На Земле, видно, места для нас двоих нет.

Силы оставили его, он вновь рухнул на землю. Из его руки выпал свинцовый кастет, украшенный затейливой резьбой. Кирилл подобрал его и сунул в карман, после чего поспешил к Марии.

Первым делом юноша подложил ей под голову свой полушубок. Через несколько минут дыхание девушки немного успокоилось, на щеках появился слабый румянец. Наконец она открыла глаза, огляделась вокруг и устремила свой взгляд на Кирилла. Чем больше она вглядывалась в лицо юноши, тем теплее становился её взгляд, а страх на лице уступал место сначала удивлению, а потом счастливой улыбке.

— Кирилл, неужели это ты? – радостно воскликнула девушка. – Как сказочный богатырь, ты спас меня от верной смерти.

— Здравствуй, Мария, — юноша протянул ей руку, желая помочь встать. — Долг платежом красен. Помнишь, ты меня спасла, теперь мой черед.

— А где этот бандит? – девушка торопливо вложила свою руку в его ладонь и стала оглядываться вокруг. Кирилл почувствовал, как задрожала её рука.

— Не бойся, — ответил юноша, оглядываясь на фигуру неподвижно лежащего на снегу Ефима. — Он еще долго будет приходить в себя. Что с тобой случилось? Почему этот бандит бежал за тобой?

Мария, опираясь на руку юноши, осторожно поднялась со снега, потом помолчала, думая о чем—то.

— Мой хозяин, — с горечью сказала она, — продал меня тому господину, который летом хотел тебя убить. Он часто приезжал и жил у нас. Я случайно услышала их разговор, они спорили, сколько я стою. Потом сошлись на двадцати рублях. Хозяин хотел меня сразу отдать тому господину, но я вырвалась и побежала, сама не знаю, куда. Сначала они растерялись, а потом послали вдогонку этого бандита. Я бы лучше утопилась, чем стала любовницей такого человека. Не знаю, что было бы, если бы не ты...

— Какие сволочи, — с негодованием произнес Кирилл. – Но ведь они не отступятся от своих планов. Куда тебе спрятаться от них?

— У меня в слободе живет крестная, хозяин не знает о ней. Первое время побуду у ней. А потом меня ждет Горицкий монастырь...

«Какой монастырь, а как же мои чувства к тебе?» – в душе Кирилла бушевала буря. И в то же время он понимал, что другого пути нет. Только в монастыре девушка могла спрятаться от негодяев, спасти свою честь.

Мария сделала шаг, другой, застонала и снова опустилась на снег.

— О! Как больно! Видно, я подвернула ногу. Помоги мне идти.

Вместо ответа Кирилл наклонился, подхватил девушку на руки и понес ее в сторону слободы.

— Держись крепче! – весело сказал он. – Своя ноша не тянет.

Даже в наступившей темноте было видно, как густо покраснела Мария. Однако она обняла юношу за шею и прижалась своей головой к его груди. Сердце Кирилла бешено билось, он держал в своих руках любимую, ее шелковые волосы прикосались к его шее и лицу. Ничего счастливее этого мгновения он не переживал в своей жизни, и ему хотелось, чтобы оно длилось вечно.

Внезапно он почувствовал, что Мария горестно вздохнула. Затем она выскользнула из его рук и встала на тропинку. Неуверенно сделала шаг, другой и пошла к видневшимся впереди огням монастырской слободы, пряча лицо. Кирилл в два прыжка догнал девушку и заглянул в ее лицо.

— Почему ты плачешь? – только и смог промолвить он.

— Ты такой сильный, такой смелый, — всхлипывая, проговорила Мария, — Но я тебе не нужна, ты собираешься стать монахом...

Кирилл ответил не сразу. В самом деле, ему предстояло отречься от всех земных радостей, в том числе и любви. Но как же его чувства к этой девушке? Ведь ему больше всего на свете хочется сжать её в своих объятиях, целовать и ласкать её.

— Разве Бог выступает против любви? – горячо воскликнул юноша. – Бог создал нас по своему образу и подобию, значит любовь – это тоже служение Богу!

Мария схватила его за руку и заглянула в глаза. Кирилл никогда не видел такого сияющего взгляда.

— Значит, ты любишь меня? – от волнения девушка с трудом подбирала слова. – С тех пор, как мы встретились в июне, я все время думала о тебе. Я мечтала, как мы будем вместе, как нам будет хорошо. Почему мечты никогда не сбываются?

— Я тоже думал о тебе. Но меня мучило и мучает сейчас то, что я дал слово отцу посвятить свою жизнь служению Бога, молитвам за него и за мать. Я не знаю, как мне быть, что делать?

— Зато я знаю, — тихо промолвила девушка.

Кирилл почувствовал у себя на плечах руки Марии. Они обвились вокруг его шеи, девушка всем телом прижалась к нему, и их губы слились в жарком поцелуе.

В это мгновение мир вокруг них закружился в сладостном хороводе, время остановилось. У губ девушки был вкус меда и свежесть летнего утра, её тело в объятиях Кирилла трепетало, как лист на ветру. Первой пришла в себя девушка. Внезапно разорвав объятия, она так легко побежала вперед по тропинке, что можно было усомниться, подворачивала ли она ногу. Кирилл едва успевал за ней. Видно было, что она приняла какое-то важное для себя решение.

Монастырская слобода раскинулась на обоих берегах Долгого озера – на одном берегу находилась Обшара, на другом – Бутырки. Путники углубились в район Бутырки. Здесь жили в основном монастырские работники, ремесленники, купцы. Район был спокойным, лихие люди старались сюда не заходить. Мария молча шла по кривым улочкам, пока не подошла к большой усадьбе, огороженной высоким забором. Повернувшись к юноше, она быстро прошептала:

— Приходи ко мне завтра вечером! Я буду ждать тебя у калитки, как прозвонят к вечерне. Если ты любишь меня, я буду принадлежать тебе до тех пор, пока Бог нас не разлучит. Если не придешь, я не обижусь. Значит, у меня иной путь – в монастырь...

Взявшись за большое воротное кольцо, она несколько раз ударила им по воротам. На удары стукалки первой отозвалась собака, подбежавшая с лаем к ограде. Затем показался свет фонаря и послышались звуки шагов. Тревожный женский голос спросил:

— Кто там? Кого нелегкая принесла?

— Я, Мария! Открой, тетя Аня.

И добавила тише, повернувшись к Кириллу:

— Я буду ждать тебя завтра, послезавтра, пока ты не придешь...

Калитка ворот приоткрылась, поглотила девушку и захлопнулась с глухим стуком. Звуки разговора за калиткой стихали, говорящие удалялись в сторону дома. Кирилл повернулся и пустился в путь, не думая, куда он идет.

Удары колокола в монастыре вскоре вернули его к реальности. Юноша вспомнил о поручении отца Николая. К счастью, Сенная площадь находилась совсем рядом с Бутырками. Коля Балычин уже был дома, все вопросы со сбруей для монастырских лошадей были решены за несколько минут. Через полчаса Кирилл был в монастыре, в келье отца Николая, и докладывал о выполненном задании.

— Что случилось, брат мой? — выслушав отчет Кирилла, спросил отец Николай, — у тебя такой вид, будто по дороге ты встретил сначала дьявола, а потом ангела.

Поколебавшись, Кирилл ответил уклончиво:

— Долго пришлось искать купца, чтобы выполнить ваше поручение. Много за это время довелось увидеть и услышать. Какие будут следующие поручения, отче?

Отец Николай ответил не сразу. Он молча рассматривал Кирилла, как будто видел его впервые. Кирилл сильно отличался от других послушников своей особой статью и благородной манерой прямо держать голову с густыми непослушными волосами. Широкие, по-юношески худые плечи, длинные ноги и скрытая энергия движений говорили о том, что из юноши вырастет сильный и уверенный в себе человек. Четкие, горделивые черты лица, нос с небольшой горбинкой, прямые брови, а под ними пронзительные бледно-голубые глаза – весь облик его говорил о натуре страстной и горделивой. Откуда все это у сына простого священника?

«Если юноша надеется стать смиренным монахом и провести свою жизнь в келье монастыря, то он глубоко ошибается, — подумал иеромонах. — Этому человеку Господом Богом начертана иная судьба. Именно об этом мне было видение».

Встревоженный долгим молчанием своего наставника, Кирилл отважился спросить:

— Могу я спросить, чем я прогневал вас? Почему вы молчите?

Отец Николай улыбнулся и мягко ответил:

— Я думал о том, как быстро идет время. Еще в июне я видел перед собой наивного юношу, а сейчас я вижу зрелого мужа. Ты по-прежнему хочешь стать монахом и провести свою жизнь в молитвах?

Кирилл устался на иеромонаха сверкающими глазами.

— Наверное, дьявол смущает меня, — горячо произнес он. — Я помню о своем обете, но мне хочется жить в миру, мне хочется бороться с врагами, защищать слабых.

— Не мучайся напрасно, — успокоил его отец Николай. — Каждый человек, борясь за свою мечту, ради которой рожден на свет, и не нарушая заповедей Божьих, служит тем самым Господу нашему!

В келье вновь воцарилась тишина. Кирилл думал о том, что он скоро увидит Марию, только надо найти повод для этого. Отец Николай размышлял о земном предназначении человека. Для чего мы рождаемся на этот свет? Имеем ли мы право на счастье? Понимая греховность этих мыслей, отец Николай гнал их от себя, но они приходили и тревожили его совесть.

Тишину прервали звуки колокола. Звонили к вечерне – последней службе из суточного круга богослужений. Заканчивался еще один день монастырской жизни.

Глава 9

Угроза монастырю становилась все более явной. На другой день под монастырскими стенами появились беженцы из Волока Славянского, находящегося на юго-востоке от Кирилловой обители. Запорожские казаки из отряда полковника Песоцкого налетели ночью на село, убили мужиков, издевались над бабами и детьми, жгли и грабили избы, осквернили церковь. Утром, когда взошло солнце, исчезли с добычей, как нечистая сила. Жители села, оставшиеся в живых, два дня добирались до спасительных стен монастыря.

Монастырь и так был заполнен беженцами, а надо было разместить новых. Решили оборудовать под жилье нижние ярусы стен и башен. Начали возводить в них временные стены из досок со стороны монастыря, стелить полы, ставить двери и печки для отопления. Работы отцу Николаю и его помощникам прибавилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.